

Дозор навсегда

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО,
ОЛЕГ ДИВОВ, ЕВГЕНИЙ ЛУКИН,
АЛЕКС ДЕ КЛЕМЕШЬЕ,
ЛЕОНИД КАГАНОВ, ЮЛИЯ ЗОНИС
И ДРУГИЕ



Лучшая фантастика 2018

«ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ РАССКАЗ СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО
О КОНТАКТЕ С ЧУЖИМ!»

Александр Бачило

**Дозор навсегда. Лучшая
фантастика 2018 (сборник)**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачило А. Г.

Дозор навсегда. Лучшая фантастика 2018 (сборник) /
А. Г. Бачило — «АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-106411-2

Новая коллекция увлекательных и злободневных историй от лучших представителей жанра. Среди авторов сборника – признанные мастера и представители нового поколения фантастов. Фэнтези, мистика, киберпанк, постапокалипсис и альтернативная история – весь спектр и на любой вкус. Многочисленных поклонников жанра традиционно порадует новый рассказ Сергея Лукьяненко – ироничный и весьма актуальный. Фантастика и жизнь, как всегда, неразрывно связаны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106411-2

© Бачило А. Г., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Евгений Лукин	6
Дарья Зарубина	9
Алекс де Клемешье	15
Леонид Каганов	31
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Коллектив авторов Дозор навсегда. Лучшая фантастика – 2018

© А.Т. Синицын, составление, 2018

© Коллектив авторов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Евгений Лукин

Мой разговор с дьяволом

– Не делайте этого...

Я поднял глаза от налоговой декларации и огляделся. Комната была пуста. Впору предположить, что усталый мужской голос возник в замороченной моей голове сам собою, но, во-первых, такого со мной не случалось ещё ни разу, а во-вторых, я точно мог указать, откуда именно он раздался. Из кресла в углу.

– Стоит ли?.. – проникновенно добавил голос.

Я встал из-за стола и, подойдя к креслу, внимательно его осмотрел. Ничего похожего на видеокамеру с динамиком обнаружить не удалось.

– Ну, люди... – процедил я и вернулся за стол.

По дороге мысленно перебрал знакомых. В подозреваемые из них не годился никто: у одних плохо с деньгами, у других – с фантазией. Кроме того, начинить кресло электроникой – это ж ещё и в квартиру проникнуть нужно!

– Люди?.. – озадаченно переспросили вслед. – Почему люди?

– А кто? – волей-неволей пришлось вступить в беседу. – Инопланетяне?.. Валька, ты, что ли, прикалываешься?

– Может, мне вам показаться? – Такое чувство, будто голос был слегка позабавлен моим поведением.

– Сделайте одолжение!

– В каком виде?

– В каком есть, в таком и покажитесь.

В углу хмыкнули.

– Нет. В каком есть – это я вам всю мебель пожгу. Давайте-ка так...

В кресле возник неброско одетый мужчина без особых примет.

Я сглотнул. Потом покосился на окно. За стеклом пушило февральским снежком двадцать первое столетие. Наизобретали хренотени...

Встал и, снова подойдя к креслу, ткнул голограмму пальцем, заранее уверенный, что сопротивления тот не встретит.

Палец упёрся в живую плоть.

Опаньки! Стало быть, не врал по ящику, что вот-вот телепортацию освою. Стало быть, и впрямь освоили... Нетвёрдым шагом я приблизился к бару и, ошалело оглянувшись, наполнил рюмку. Выпил единым духом. Налил вторую.

– Тогда уж и мне заодно... – услышал я.

Руки подрагивали. Тем не менее с грехом пополам просьбу удалось выполнить. Вручил рюмку, чокнулся машинально.

– Что вам надо? – хрипло спросил я.

Незнакомец огорчился.

– Ох уж эта современная психология! – посетовал он. – И не спросит ведь даже: кто такой? Сразу к делу: что надо? Ну хорошо! Мне надо, чтобы вы указали в налоговой декларации настоящую сумму ваших доходов...

Дрожи – как не бывало.

– А-а... – понимающе протянул я. – Вон вы откуда...

Он фыркнул и залпом проглотил свой коньяк. До ответа не снизошёл.

– Ладно! – сказал я. – Кто вы?

– Допустим, дьявол, – внятно выговорил он, не сводя с меня утомлённого взгляда.

- Допустим! – принял я вызов. – А я вас приглашал?
- Нет.
- А чего ж тогда?
- Он пожал плечами:
- Сам...
- Душа понадобилась?
- Нет... – Он поморщился.
- То есть как это нет? – возмутился я. – Душа, что ли, плохая?
- Назвавшийся дьяволом пристально взглянул мне в глаза.
- Ну почему же... – чуть помедлив, ответил он. – Душа как душа...
- Так, – решительно проговорил я, пододвигая сервировочный столик и ещё одно кресло. Сел напротив, уставился в упор.
- Что надо? – повторил я с угрозой.
- Я же сказал уже: укажите в декларации настоящую сумму доходов...
- И что я с этого буду иметь?
- Ничего, – безразлично обронил он.
- Н-ни фига с-се... Почему?
- А сами подумайте! Я вас, по сути, сманиваю на доброе дело. Но если за дело платят, то какое же оно доброе? Сказано: получают уже они награду свою... Писание читали?
- Минутку! – потребовал я. – Вы – дьявол?
- Дьявол.
- Вам-то какая выгода в добром деле?
- Прямая.
- Поясните!
- Он повертел в пальцах пустую коньячную рюмку.
- Скажите... – задумчиво начал он. – Вам нравится этот мир?
- В смысле?
- Н-ну... там... весна, травка... яблони цветут на даче... Нравится?
- Д-да... А к чему вы...
- Вам ведь не хотелось бы всё это потерять?
- Это что, угроза?
- Угроза. – Он кивнул. – Понимаете, чаша мировых грехов, можно сказать, полна. Ну сами видите... достаточно телевизор включить... Как только чаша переполнится – Страшный Суд. То есть конец света. Травке конец, даче, яблонькам... Скажите, оно вам надо?
- Я прикинул.
- Пожалуй... н-нет. А вам?
- Вот и мне не надо. Так что не кобеньтесь, укажите настоящую сумму. Одним грехом меньше...
- Да что за детский сад! – взорвался я. – Даже если укажу! Я что, один декларацию заполняю? А остальные?
- С остальными тоже сейчас работают.
- Кто?
- Я.
- О ч-чёрт!..
- Поднялся, сходил за пепельницей. Достал сигареты.
- С куревом ещё не боретесь? – ядовито осведомился я, присаживаясь вновь.
- Нет, – буркнул он.
- Тогда закуривайте.
- Спасибо, надышался! У нас там, знаете ли, и так дымно...

– Ну как хотите... – Я закурил. – Так это что же? Пока чаша грехов не переполнится, конца света не будет?

– Естественно...

– И вам поэтому выгодно, чтобы люди жили по заповедям?

– Вот именно!

– А им? – Я указал тлеющей сигаретой в потолок. – Наоборот?

– В общем... да.

– То есть если ко мне вдруг заявится ангел, попросит скрыть часть доходов...

– Гоните в шею!

– Ангела-то?

– Имеете полное право. Ему там за такие проделки все перья пооборвут!

– Ну вы даёте!.. Значит, ангелам творить зло нельзя, а вам добро – можно?

– Ну я же только что объяснял! Если добро выгодно, то какое ж оно, к чёрту, добро?

Я попытался собраться с мыслями и долго гасил сигарету. Наконец спросил:

– А вы сейчас нарушению какой заповеди препятствуете?

– Не лжесвидетельствуй. Сами, что ль, не знаете?

– А остальные заповеди? Скажем, не убий! В Сирии-то сейчас вон что творится! Да и в Донбассе тоже...

– Н-ну... с Сирией тоже разругать пытаемся...

– А не укради? Не прелюбодействуй?

– Послушайте, не уводите разговор в сторону, – одёрнул он. – Вы обозначите в декларации истинную сумму ваших доходов?

– М-м... постараюсь... – сделав над собой усилие, выдавил я.

– Постарайтесь! – С этими словами он исчез.

Некоторое время я тупо смотрел на две пустые рюмки. Что это было? Хотя какая разница! Схватил сотовый телефон.

– Валёк? Привет! Слушай, ты налоговую декларацию заполнил?

– Д-да... а что? – отозвался тот.

– К тебе не приходили?

Долгая пауза.

– В смысле?.. – Голос Валька дрогнул.

– Ну там... не знаю... попросить, чтобы доходы не скрывал...

– Эм... а-а... Что-то связь плохая! – И Валёк стремительно отключился.

Та-ак... Стало быть, приходили. Стало быть, и впрямь не ко мне одному... Взгляд мой остановился на заполненной наполовину декларации. Интересно, как поступят остальные? Ох, не оказаться бы лохом...

*Волгоград,
январь 2017*

Дарья Зарубина

Пепел и пар

– Однако погодка, мистер Фергюс, – сказал молодой человек в твидовом пальто, чуть закопченном с правого бока, и клетчатом кепи. Колокольчик над дверью, возвестивший о его приходе, еще покачивался на пружине. Он один, казалось, был живым в часовой мастерской Фергюса, где также располагался и ломбард Штосса. Впрочем, несмотря на два имени на медной вывеске над входом, в обеих конторах уже третий год единолично хозяйничал мистер Фергюс. Харольд Штосс покинул грешный мир двадцать восемь месяцев назад в разгар эпидемии полиомиелита, но у его компаньона все никак не доходили руки заказать новую табличку.

– Доброго дня, мистер, – бесцветным голосом проговорил Фергюс, не поднимая головы от своего занятия. Часовщик сидел, сгорбившись, у стола, над которым горела выкрученная на полную – что за неприличная для такой скромной конторы расточительность?! – газовая лампа. Под лампой на зеленом сукне лежали часы, которые и разглядывал Фергюс, замерев в своей хищной птичьей позе. Левый глаз он сощурил, а на правый опустил с медного обруча на лбу сразу три разновеликие линзы.

– Я дам тебе восемь долларов, Пит, – заявил он наконец. – И еще четыре доллара, если сумею продать до конца месяца.

– Позвольте... – проговорил молодой посетитель. В его голосе послышались сердитые нотки. Но договорить он не успел. В углу раздался скрипучий кашель. То, что гость часовой мастерской принял по невнимательности за брошенное в кресло старое пальто, пришло в движение.

– Эти часы стоят больше двух сотен, Фергюс. Добавь-ка еще линзу к тем, что висят у тебя на глазу, – и, может быть, сумеешь разглядеть свою совесть. Я без очков ее уж и не вижу.

Из-за поднятого воротника пальто показался длинный нос и один глаз, слезящийся и красный. Старик выбрался из кресла и, шаркая ботинками, подошел к часовщику. Положил узловатую руку на часы.

– Я лучше продам их Картеру за одиннадцать. Он хотя бы будет носить их в жилетном кармане и форсить перед дамочками, а не бросит пылиться в ящик со скрепками.

Старик, не обращая внимания на слабый протест часовщика, сгреб корявой пятерней со стола часы и пошаркал к двери, ловко ухватив с вешалки у входа запыленный потертый цилиндр.

– Что вы хотели, господин? Часики починить? – обратился Фергюс к посетителю, который словно замороженный смотрел в спину старику.

– Извините... Стойте. Мистер... Питер. Я хотел бы посмотреть ваши часы...

Старик обернулся. Его взгляд неожиданно сделался ясным. В нем сверкал сарказм. Он оглядел молодого человека с головы до ног и, что-то решив для себя, продолжил путь.

– Старый Пит! – окликнул его Фергюс громко. – Этот господин хочет купить у тебя часы! Это, в конце концов, невежливо!

– Невежливо обнадеживать старика и заставлять тащиться через всю мастерскую, не собираясь ничего покупать. У этого франта нет и десятки. Он пришел не покупать, а закладывать, так что не тратьте на него вежливость, Фергюс.

– Позвольте... – задохнулся от возмущения посетитель, но плечи его поникли. Старик усмехнулся, поняв, что угадал.

– Эти часы стоят две сотни. Я сделал их сам. Вот этими руками. – Он поднял вверх свои узловатые клешни, в одной из которых был зажат блестящий серебром брегет. – Вы

говорите, Фергюс, мои часы не особенно красивы? Зато они прочны. Смерть затупит свою косу об этот корпус.

Он размахнулся и, не успели ни часовщик, ни его клиент вскрикнуть, швырнул часы об пол. Брегет, прыгая по паркету, закатился под кресло, но неугомонный старик настиг его и придавил ботинком.

Мистер Фергюс смотрел на его ногу с выражением почти физического страдания: ведь мог дать старику пятнадцать долларов и выгадать верную сотню при продаже часов.

Старикашка убрал ботинок, с торжествующим смешком вынул из подставки забытую кем-то трость и ударил по брегету ее тяжелым набалдашником.

– Ну?! – Он хихикнул, нагибаясь за часами, но тотчас зашелся кашлем. – Це... Целё... Кхе... Целёкхекхе...

Прикрывая рот не особенно свежим платком, старик протянул брегет изумленному зрителю его маленького спектакля. Тот повертел часы в руке, не веря собственным глазам, открыл крышку, поднес вещь к уху.

– Послушайте, мистер Пит, это... невероятно. Какая прочность!

– Пит? – рассмеялся старик, глянув на молодого человека с королевским достоинством. – Питер Эндрюс, к вашим услугам.

– Простите, мистер Эндрюс, – стушевался он. – Я Уайт. Генри Уайт. Мас...

– Мальчик из мастерской Уайта? – перебил его старик. – Тогда все становится на свои места. Значит, вы снова разбились, мой юный друг?

– Откуда?.. – пораженно прижал руку к груди Уайт.

– Ваш отец просадил целое состояние, пытаясь построить скоростной паромобиль, хотя в свое время был неплохим конструктором паробусов. Хорошая модель топки, котел на четыре лошади. Очень неплохо для всех этих работяг, что бредут с работы, едва переставляя ноги. Но Билли Уайт отчего-то помешался на скорости. Видимо, это наследственное. Вы в пальто, значит, пришли пешком, причем, судя по копоту на плече и локте, шли близко к проезжей части со стороны Девятой авеню – рассматривали чужие паромобили. Из чего делаю вывод, что свой паровой экипаж вы разбили. Причем совсем недавно. У вас из-под манжеты виден бинт на запястье, а это смешное кепи не может скрыть рассеченную кожу надо лбом.

– Питер Эндрюс? – Молодой человек протянул старику часы, бросив взгляд на край бинта на руке, рассмеялся звонким смехом человека, уверенного, что все в жизни складывается к лучшему, а невзгоды лишь направляют нас на правильный путь. – А может – мистер Шерлок Холмс? Перебрались в Штаты?

Молодой человек искренне веселился, поэтому не заметил, как напряглись плечи часовщика, приготовившегося к сцене.

– Вы дурак, Уайт! – рявкнул Эндрюс, отворачиваясь.

Колокольчик звякнул, впуская нового посетителя. Точнее, посетительницу. Пожилая дама в вишневом платье бережно держала затянутой в черную ажурную перчатку рукой под животик маленького мопсика, дрожащего всем телом так, что трепетало пышное страусовое перо на шляпке хозяйки.

– Доброго дня, мистер Фергюс! – проговорила она сочным глубоким контральто. – Как нынче ветрено. Вероятно, будет гроза. Я могу забрать свои часы?

– Холмс! – воскликнул старикашка, обнаружив нового зрителя. Он манерно повел рукой, словно обращаясь к полному залу. – Он припечатал меня Холмсом, леди! Кто такой этот ваш Холмс?! Персонаж! Выдумка! А я – я тот самый Питер Эндрюс! Лонг-Пит! Тот самый Лонг-Пит!

Молодой Уайт, краснея от стыда, собрался пуститься в извинения, но часовщик потянул его за рукав пальто и прошептал:

– Он утверждает это всем и каждому добрых шесть лет, молодой человек. Сумасшедший старик с часами. Кто ведает, где он их достает. Крадет, наверное.

– На вашем месте я не произносила бы вслух имя этого ужасного человека, – сказала дама, гневно глядя на старика. – Имя Питера Эндрюса оскорбляет слух порядочного человека.

– И как вы заставите меня замолчать, песья матрона? – оскалился старик. – Питер Эндрюс – это я, и не стыжусь своего имени. Я тот самый Эндрюс!

– Если вы тот самый Эндрюс, мистер, – прошипела дама; собачка заскулила и сунула острый нос ей под мышку, – то я, мать капитана азростата «Виргиния» Рудольфа Скотта-Фишера, проклиная вас.

– Бедолага беден и одинок, – продолжал торопливо шептать на ухо Уайту часовщик, в то время как старик, скаля щербатый рот и приплясывая с криком: «В гробу! В гробу я видал вас всех и ваши рафинированные проклятья. Пар и пыль!», дергал даму за ленты на шляпке, а мопса – за тощий хвостик. – Вот и пытается привлечь к себе внимание. Будь он тот самый Питер Эндрюс, едва ли довел бы себя до такого плачевного состояния. Скорее всего фамилия его и правда Эндрюс, а имя... может, действительно Питер. Но тот самый... Вот что, Генри. – Фергюс придвинулся ближе к молодому человеку и прошептал: – Я дам старику десятку за его часы и еще доллар вам, если вы его уведете. В полдень один очень важный клиент зайдет за своими часами, которые я взялся починить, и мне не хотелось бы, чтобы столь уважаемый в Нью-Йорке человек стал участником очередного спектакля Старого Пита.

Фергюс доверительно заглянул в глаза молодому человеку и, по-отечески взяв за руку, вложил в бледную ладонь юноши потертый серебряный доллар.

– Вот что, Пит, – заговорил он подчеркнуто громко, вполголоса извинившись перед леди. – Только из уважения к тебе я дам за брегет десять долларов. И добавлю еще пятерку, если не увижу тебя в моей мастерской до пятницы. Знаю, что дольше ты не утерпишь.

Старик скривился, прикидывая в уме выгоду. Поколебавшись не более десяти секунд, он подошел к столу, положил на зеленое сукно свои часы, другой рукой ссыпал доллары в карман потертого пальто.

– До встречи, мистер Фергюс! Когда черти будут жарить тебя в аду, я замолвлю словечко. – Он степенно поклонился оскорбленной даме, приподняв пыльный цилиндр. – Мадам! Мистер Уайт!

Старик вышел, заставив колокольчик над дверью залиться нервной серебристой трелью.

– Так что вы хотели заложить? – поинтересовался Фергюс у молодого механика, но тот, отрешенно махнув рукой, выскочил за дверь вслед за стариком. Окликнул его. Часовщик пожал плечами, всем корпусом поворачиваясь к даме, и расплылся в широкой улыбке.

– Ваши часы готовы, мадам Скотт-Фишер. Простите за этот спектакль. Бедный старик. Он совершенно безумен. Иногда я подкармливаю его, покупаю всякую всячину, что он приносит...

Мадам скупно перекрестилась, смахнув пальчиком в перчатке слезу, и открыла кошелек.

* * *

– Мистер Эндрюс!

Генри Уайт бежал по улице, недоумевая, как старик сумел так далеко уйти. Он нагнал старого чудака в сквере. Тот шел, что-то бормоча себе под нос, и в задумчивости развил такую скорость, что не снилась многим молодым. Его потертые ботинки так и мелькали над булыжниками мостовой.

– Пар и пепел! – хрипел он. – Пар и пепел!

– Мистер Эндрюс! Подождите!

Он остановился, поднял на Генри красные усталые глаза.

– Молодой Уайт! Надеюсь, вы не хотите меня ограбить? Вот. – Он вынул из своего кармана горсть монет и быстрым движением затолкал в карман пальто Генри.

– Что вы! – попробовал возмутиться тот, но старик остановил его жестом.

– Нет. Мне все равно не хватит. Этот гидравлик, Гримсон, просит шестнадцать. Да, юноша, да. Я, «тот самый Эндрюс», не могу починить проклятый пресс! А ведь сам его сконструировал. Я совсем старый, юноша. Какая гадость эта старость. Если бы кто сказал мне, что она такая мерзкая, я удавился бы еще лет десять назад. А теперь уж поздно, придется доживать.

Старик сердито потер слезящиеся глаза.

– Пепел и пар! – повторил он. – Я столько лет превращал этот мир в пепел и пар, чтобы заставить его кружиться. Я так и сказал этому хлыщу Тедди Рузвельту – брось в топку все, чего не жаль, и то, о чем жалеешь, вскипяти этот мир, и он влетит на пару в чертов новый век. Но кто я был! Просто чертов британец, который посмел советовать президенту Америки.

Эндрюс прижал ладонь к груди, словно готовясь запеть гимн, но закашлялся, согнувшись пополам, а потом рассмеялся каркающим диким смехом и продолжил:

– Когда немцы подняли в воздух своего «Графа Цеппелина» на паровом жиффаровском двигателе, усовершенствованном до пятнадцати лошадиных сил, наши прибежали. Закричали: нам надо! Сделай! Я дал им «Эр сто», а за ним его братца – «Эр сто один». Никто не помнит, что именно я предложил первые варианты конструкции. Англичане редко помнят работяг. Тогда я был никем. Знаешь ли ты, каков он был, мой первый дирижабль? Когда «сто первый» попал в грозу весной тридцать первого, я плакал, мистер Уайт. Я плакал и жалел, что меня нет на борту. Англичане сдались, а я... я перебрался сюда. На эту проклятую благословенную землю, где все решают деньги. И пришел к Тедди Рузвельту и сказал ему про пепел и пар! И знаешь, что он ответил? Он сказал: «Это дорого, мистер!» Их «Экрон» в тридцать третьем попал в шторм – и я оплакал его, как мой «Эр сто первый». А потом эти идиоты ухлопали на учениях «Мекон»! Я предлагал такую конструкцию, которая сделала бы вашу жадную страну царицей небес! Но эти боровы в конгрессе сказали... Да, юноша. Они сказали: «Это дорого, мистер!»

Старик снова закашлялся. Генри поддержал его под руку. Ветер усилился, и обоим пришлось поднять воротники пальто. Ветер, разозленный таким равнодушием, в гневе рвал с лип листья и бросал под ноги редким прохожим. Над крышами показался похожий на спину небесного слона верх аэростата.

– Дорого! – прокричал в лицо ветру Эндрюс. – И тогда я предложил им свой первый «Лонг-Пит»! Не золотой дирижабль, а грошовый аэростат на простеньком паровом двигателе всего в четыре лошади. Зато это было дешево. И знаешь, они это съели! Они сожрали и захотели больше! Никакой цеппелиновской системы отсеков! При чем тут безопасность! Деляга Эдисон всего лет пять как умер, и все тыкали мне в лицо его великим именем. Вот он умел делать деньги из ничего! Единственный провал за всю жизнь – вложился в эту глупость с электричеством. Но потом парнишка, этот Тесла, сгорел во время испытаний своей машины молний. Превратился в пепел. Тогда-то все и поняли – только пар. В топку все, что горит! Пар – золото этого мира. Его можно продать, его можно купить. Он служит и не бастует. А тем, кто хочет бастовать, мы положим к зарплате бесплатный месячный билет на аэростат. Катайся по небу, братец.

Старик махнул рукой себе за спину, где медленно шел над вершинами деревьев «Длинный Пит». Желтые и белые флажки на гондоле трепетали на ветру, и дирижабль походил на раздувшегося от сытости клеща, отчаянно семенящего в воздухе коротенькими лапками.

– «Граф Цеппелин» был двести тридцать семь метров длиной, юноша, – продолжил старик, бросив быстрый взгляд на дирижабль, брезгливо скривился. – Двести тридцать семь! И его топки не справлялись. А самый длинный из моих «Питов» – жалких сто пятьдесят. Мягкий каркас. Надувной шарик для детского праздника, которому только дунь в его чертов зад, и он уже в Индии. Им был нужен не дирижабль, а этот баллон, сшитый из носовых платков старых дев. И я дал им то, что они хотели. И пусть не жалуются.

Кто-то крикнул у них за спинами, но ветер тотчас унес слова. Уайт оглянулся. Громада «Лонг-Пита» пузырем взбухла над крышами и шпилями. Он шел уже не так ровно. Махину ощутимо сносило в сторону, но капитан, видимо, еще пытался выровнять аэростат.

– Она, эта дама, сказала, что проклинает меня. Ее сын разбился при крушении моего «Пита». А чего он хотел? Все хотят дешево. Хотят за цент из Нью-Йорка в Лондон и жалуются на бури. Падают и горят. Пепел к пеплу, пар к пару. Вон, этот, прет над городом, думает уйти от грозы... А я всегда хожу пешком, Генри, потому что не обольщаюсь насчет моих аэростатов.

– Вы жалеете?

– Людишек? Сами виноваты.

Старик взглянул на молодого механика так, словно впервые видел.

– Жалеете, что... предали дирижабли жесткого каркаса ради ваших «Питов»? – пояснил юноша, сбиваясь от смущения. Нужные слова никак не шли на язык, но Генри, смертельно боясь, что старик вновь обзовет его дураком и уйдет, все-таки выговорил их.

– Жалею ли? – задумчиво пробормотал Эндрюс. – Все пепел и пар, юноша! Я вертел этот век на пару. Они, хоть и с проклятьями, гоняют по всему миру мои воздушные паробусы. И люди лезут в каждый летающий гроб, толкаясь и бранясь. Боятся, что не хватит мест. Я всю жизнь служил пару, мой мальчик. Жаль, ничего не выслужил. Жалею ли? Жалею...

Старик повторил это слово раз десять, словно пробуя на вкус.

– Я жалею, да. Жалею, что не разбился тогда вместе со «сто первым» или «Экроном». Пепел и пар. Я дал этому миру столько пара, так разогнал его, что голова закружилась. Вот и угодил в топку сам. «Питы» – вот они, в небе, груженные поденщиками, гувернантками, мамашами и карманниками. Они идут над миром, словно тучи, перерабатывая реальность в пепел и пар. А что я без них? Сумасшедший старикашка, у которого можно за гроши купить часы.

– Я как раз хотел спросить про ваши часы, – заговорил Генри, перекрикивая шум ветра. – Такая прочность! Как вы...

– Пепел и пар! – бормотал старик, не услышав вопроса. – Ад и рай, которым я служил, не предали меня. Но я был слеп. Я видел только одного бога, служил только пару и разозлил время. Пар дал старику Хроносу под зад – и он обиделся на меня, Генри. Он превратил меня в развалину. Но я кое-что придумал, мой мальчик.

Но теперь уже Генри Уайт не слушал его. Остановившимся взглядом молодой механик следил за тем, как громадное серое брюхо аэростата, колышимое ветром, приближается к вершинам деревьев.

– Я придумал, как победить время! – широко улыбнулся беззубым ртом Эндрюс. – Пыль и пар! Если спрессовать вот такую металлическую пыль, сдавить прессом и спечь в топке, – старик вынул из кармана кисет, взвесил на ладони, погруженный в свои мысли и планы, – она станет прочнее стали. Как вот эта шестеренка. – Он достал из кисета зубчатую звездочку матового металла. – Так я делаю корпуса и детали для своих часов. Часов, над которыми не властно время, Генри.

Молодой человек изо всех сил потянул старика за рукав, крича что-то, но тот не обращал внимания. Немного металлической пудры с шестеренки упало ему на ладонь, ветер тот-

час слизнул ее, залепив старику лицо мокрыми листьями. За городом вставала гроза. И первой, самой грозной ее тучей навис над сквером стопятидесятиметровый «Лонг-Пит».

– Понимаешь, Генри. Этот мир воскреснет как феникс из пепла и пара. И прочнее его не будет вовеки!

Молодой механик, всхлипывая от страха, рванул старика за шиворот, но ветхий ворот оторвался, остался в руке у Генри Уайта. Эндрюс плюхнулся на камни мостовой, порыв ветра опрокинул его навзничь. Гром заглушил слова его недавнего спутника, убегающего в сторону ближайшей открытой двери. Кажется, тот просил прощения.

– Ты слишком много извиняешься, Генри, – прохрипел старый Пит, глядя в небо. – Глупое занятие. Бесполезная трата вре...

Гондола аэростата заскребла днищем по мостовой. Люди, выдавливая в панике ладонями стекла тесного салона, выпрыгивали из нее, оставляя на брусчатке бурые мазки. Рыхлое тело паробуса колыхалось, его смяло на сторону, ударило порывом ветра о карнизы и шпили. Огонь поглотил липы, скамьи, потерянное кем-то в спешке клетчатое кепи, оплавил медные вывески, изогнул жестяные карнизы. Ткань, дерево, плоть превращались в пепел, и только маленькая серебристая звездочка, выпавшая из руки старика, вертелась в щели между камнями мостовой, по которым выстукивали тяжелые, словно металлические шарики, первые капли дождя.

* * *

Паромобиль Форда остановился под медной табличкой с фамилиями «Фергюс и Штосс». Колокольчик звякнул, задержавшись на пружинке. Высокий представительный джентльмен, махнув шоферу, чтоб ждал в машине, вошел в мастерскую. Часовщик, заискивающе улыбаясь, положил на стол блестящие серебром часы и, словно бы невзначай, сдвинул салфетку, скрывавшую хронометр Пита.

– Благодарю вас, Фергюс, – с достоинством уронил гость. – Джонсон расплатится с вами. А это...

Джентльмен впился взглядом в матово поблескивающие часы. С кажушимся безразличием взял в руки, взвесил на ладони. Но его напускное равнодушие не обмануло Фергюса.

– Сколько вы хотите за этот брегет? – спросил гость.

– Триста... – выпалил часовщик, готовый в любой момент добавить: «За дюжину».

Джентльмен повертел в руках вещь, поднес к уху, удовлетворенно хмыкнул. Захлопнув крышку, постучал по ней широким ногтем.

– Совершенно новый материал, – забормотал часовщик взволнованно. – Невозможно разбить.

– Мне нужно пятьдесят штук, – спокойно произнес джентльмен, оставляя размашистый росчерк в чековой книжке. – Для начала. Это возможно? Я плачу вперед.

– Возможно, конечно, возможно, – пролепетал часовщик, прикидывая в уме барыш. – Но мне нужно время... Немного времени...

– Это не ваша работа? – бросил гость слегка разочарованно. – Тогда пришлите мне мастера. У него недурная идея, а у меня хорошая команда. Конвейерная сборка поможет существенно снизить цену. Но модель определенно можно упростить. Сделать дешевле. И вся эта гравировка ни к чему. Передайте мастеру, что скоро каждый работяга будет щеголять такими часами.

Невдалеке что-то грохнуло. Отдаленные крики потонули в громовом раскате. За окнами мастерской на улицу обрушился дождь, выбив пыль из щелей мостовой.

– Что за погода, – пробормотал Фергюс, дрожащей рукой убирая в ящик стола чек.

Алекс де Клемешье

Дозор навсегда

– Что ж, так и станете молчать всю дорогу, любезный мой попутчик? – вздернул тонкие брови Гиацинтов и поправил кипенно-белые манжеты, едва выглядывающие из-под рукавов добротного сюртука из английской шерсти. – Ну-с, воля ваша, Леонид Алексеевич, а я бы не рекомендовал.

Леонид Епанчин, Светлый дозорный московского бюро, угрюмо смотрел в окно, на бесконечные снежные равнины, вдоль которых бежал их шустрый поезд. Соседство Темного коллеги превращало путешествие в настоящую муку, а совместное их задание вызывало праведное возмущение с того самого момента, как получил Леонид распоряжение руководства.

Гиацинтов меж тем, не дождавшись ответа, пожал плечами, нацепил монокль и вынул из внутреннего кармана сюртука газету. Ленка бросил случайный взгляд и фыркнул: позер! Фанфарон! Газета называлась «Симбирские ведомости» и датировалась нынешним числом. Ее никак не успели бы доставить в Москву к отправлению курьерского, а стало быть – раздобыл ее Гиацинтов через Сумрак. Возможно, нахально стащил у одного из пассажиров встречного почтового, с которым разминулись минутами ранее.

– Ах ты, Господи! – с преувеличенной экспрессией воскликнул Темный, пробежав глазами несколько небольших статей на последней странице. – Вот ведь в какое место едем, Леонид Алексеевич!

Ленку, разумеется, так и подмывало переспросить, что тот имеет в виду. Однако избранная позиция равнодушного к любым репликам не позволила ему даже вытянуть шею, чтобы попытаться со своего места увидеть заголовки.

– Ах, вандалы! Безбожники! – припечатывал огорченный Гиацинтов. – Ничего святого не осталось! Взгляните, Леонид Алексеевич, взгляните! Куда только смотрят местные Дозоры, раз такие известия попадают в газеты!

Епанчин взял-таки протянутые «Ведомости», отыскал нужную заметку. Рассказывалось, что на тюремном кладбище был совершен неправдоподобный в своей жестокости акт: некто раскопал могилу повешенного накануне убийцы. Тело было извлечено из гроба, после чего от него отсекли мизинцы на руках, вырвали все оставшиеся ногти, а также местами сбрили волосы. Никто не удосужился замести следы, то бишь убрать гроб с телом обратно в могилу и засыпать мерзлой землей.

– Вас поражает лишь то, что новость попала в газету? – спросил Леонид и со злостью швырнул «Ведомости» на столик. – Содеянное вы не осуждаете?

– Всей душой! – прижал ладони к груди Гиацинтов. – И испытываю глубокий стыд, поскольку ясно, что это дело рук кого-нибудь из низших Темных!

– Так-таки из низших? – оскалился Епанчин. – Зачем вы пытаетесь сбить меня с толку, Аркадий Прохорович? Проверяете, насколько я усвоил науку, которую мне преподавали в дозорной гимназии?

Гиацинтов сделал круглые глаза:

– Что за недоразумение? У вас разве другие мысли на сей счет?

– Ногти повешенных, мизинцы новопреставленных и – особенно! – волосы убийц и насильников – все это используют ведьмы, а никак не низшие Темные. Нет нужды убеждать меня в том, что могилу вскрыл оголодавший оборотень.

Гиацинтов картинно поаплодировал.

– Bravo! Уж очень мне хотелось, простите, узнать, какою будет ваша реакция. Грешным делом, подумал – а вдруг и тут смолчит? Ну, тогда бы вы в моих глазах окончательно сделались овцой бессловесной, да еще и неумной в придачу.

Епанчин, раздраженный, снова фыркнул и отвернулся к окну.

– Не обижайтесь! – примирительно сказал Гиацинтов. – Я это исключительно для нашего же блага. Хочу знать, с каким человеком буду рука об руку, так сказать.

– Заметка – ваша работа? – нетерпеливо перебил Ленька.

– Хотите спросить, не липовая ли? Нет-с, сударь, вовсе даже настоящая. И о ней стоит призадуматься. Начать с того, что не должно быть в Симбирской губернии сейчас сильных ведьм. А слабым подобные... ингредиенты – ни к чему-с. Для будущих деяний их не сохранишь – не пшеница. Значит, пользоваться станут теперь, немедля, покуда не стекла в Сумрак сокрытая в них Сила. Ну-с, рассудите теперь, Леонид Алексеевич: как по-вашему, не по душу ли известной нам особы пожаловала на гастроли сильная Темная? Не для того ли, чтобы смутить нас с вами, голубчик? Не помешает ли?

– Помилуйте, Гиацинтов! – удивился Епанчин. – Что ведьме в нашем поручении?

Он и впрямь был удивлен предположением спутника. Преступление, совершенное ведьмой на тюремном кладбище, никак не могло относиться к тому пустячному делу, по которому они следовали в Симбирск. Губернские Дозоры, безусловно, будут отвлечены на поиски нарушителя, но Ленька и не предполагал обращаться в местные бюро за какой-либо помощью.

Едва начавшись, разговор угас сам собой, и больше Темный маг не делал попыток растормошить попутчика.

* * *

Прибывали утром. Ленька чувствовал некоторое недомогание от плохо проведенной ночи – вроде и полной бессонницей он нынче не страдал, но и спал урывками. Гиацинтов (фанфарон и позер!) еще с вечера, щелкнув пальцами, превратил свой сюртук в домашнюю байковую куртку, а строгие брюки – в теплые пижамные, и расположился на узенькой постели со всем возможным комфортом. Спал он так тихо, что Епанчин всякий раз, едва забывшись дремой, тут же и вздергивался – все ему казалось, что Темный, дождавшись момента, бесшумно подкрадывается, тянет в полумраке купе руки к Ленькиному саквою со служебными амулетами и личными вещами. А может, и еще чего хуже.

Однако доехали, и Ленька, выбравшись на перрон, даже приободрился от свежего воздуха и легкого морозца. Вокзальная площадь, несмотря на фиалковое раннее утро, была полна – отъезжающие и приехавшие, торговцы, подводы, носильщики, гвалт и сплошное мельтешение. Импозантный Гиацинтов, нарочито медлительный, в дорогом длинном пальто, в высоком цилиндре и с тростью, казался сейчас неуместным столбом посередине дороги.

– Уж не ждете ли вы, дражайший Леонид Алексеевич, что вам экипаж подадут? – с нахальной язвительностью хохотнул он. – Нет-с, любезный! Извольте-ка в сани!

– Ничего я не жду! – обиженно огрызнулся Ленька. – Мне, Аркадий Прохорович, не привыкать. А что остановился я – так это посмотреть, как вы-то, к лоску привыкший, в деревенские сани ползете да дерюгой укрываться станете!

– Туше! – благодушно признал Гиацинтов. – И довольно. К слову, обратите внимание: прибыл курьерский, а на всей площади ни одного дозорного. Ни наших, так сказать, ни ваших. Хочется надеяться, что все заняты тем делом, о котором мы с вами заметку читали-с, а не чай в тепле гоняют. – Он подманил крестьянина. – До Горловки доведи-ка нас, любезный!

– Далековато, барин! – с сомнением прогудел бородатый мужик. – Весь день потеряю.

– Отблагодарю, не обижу, – Гиацинтов продемонстрировал золотой пятирублевый «самодержец», и Ленька на всякий случай глянул сквозь Сумрак, настоящая ли монета, а то ведь всякого от Темных ждать можно.

Но монета оказалась настоящей; мужик, гудя теперь обрадованно, усадил их в скрипучие, пахнущие прелой соломой и дегтем сани, укрыл овчиной, самолично проверив, чтобы нигде не поддувало.

Неказистые домишки вдоль накатанной, еще крепкой санной дороги, верстовые столбы, холмы и лес... Тоской и запустением тянуло из-за холмов; зима на своем излете – самое никчемушное для деревни время, когда хандрить на печке – единственное милое дело.

Усадьба действительного члена губернского дворянского собрания Витольда Германовича Линца находилась чуть в стороне от Горловки. Выгружаясь из саней, Ленька заметил, как Гиацинтов положил на язык исписанный иероглифическим способом квадратик рисовой бумаги: заклинание «близкий родственник». По полученному еще в Москве предписанию его должен был использовать именно Темный как наиболее из двоих подходящий для отведенной роли по внешности.

На ступенях появился строго одетый человек, по всему – дворецкий. У него было лицо обиженного брюзги, однако, едва лишь взглянув на Гиацинтова, человек буквальным образом расцвел.

– Батюшки, радость-то какая! – всплеснув руками, заголосил он. – Как же вы так, ваша милость, без предуведомления? Эдакий сюрприз! Ай, как счастливы будут Витольд Германович!

– Ну-ну, полноте! – Вальяжно расставивший ноги и утвердивший меж ними трость Гиацинтов по-доброму похлопал дворецкого по плечу. – Иди, иди, доложи моему двоюродному братцу, с которым я уж, почитай, два года не виделся, пока обретался в Париже!

Одной этой фразой Темный заполнил неизбежно возникшую в воображении управителя лакуну (заклинание заставляло дворецкого принимать Аркадия Прохоровича за родного хозяину человека, а кто таков – не объясняло, вот и пришлось столь безыскусно подсказать).

– А вам что надо? – построжав, осведомился дворецкий, глядя на простовато одетого Леньку, топчущегося внизу лестницы.

– Со мной, со мной, – успокоил Гиацинтов. – После объясню.

* * *

В отведенной комнате Ленька не стал раздеваться – гостей не ждали, оттого печку в правом крыле дома затопили только-только, и сейчас изо рта тут шел пар. Водрузив саквояж на стул, он принялся вытаскивать вещи: пару белья, сменные брюки, белую рубашку. Затем перебрал выданные в московском бюро казенные амулеты (два бумажных свитка, перстень с мощной защитой, изящный женский браслетик в коробочке и, наконец, совсем странное – пенсне).

В конце из саквояжа было извлечено на свет самое важное: плотный бумажный пакет, крест-накрест перетянутый суровой бечевкой. Вскрыть пакет следовало строго по прибытии, и Ленька еще в поезде извелся от нетерпения и любопытства. На словах-то все выходило просто – приехать, поговорить с Линцем, убедить отпустить в Санкт-Петербург единственную дочку, пятнадцатилетнюю неиницированную Аннэт, и сопроводить ту до места, где она будет передана под опеку столичных дозорных. Задание непривычное, даже странное, но при этом, на взгляд Леньки, легкое, незатейливое. Тогда для чего тайный пакет?

Найдя на письменном столике нож для бумаг, Ленька кое-как перетер им бечевку и разорвал упаковку. В руках у него оказалась небольшая деревянная дощечка. Повертев ее так и этак и не обнаружив ровным счетом ничего, Епанчин догадался рассмотреть ее сквозь

Сумрак. Одна сторона дощечки так и осталась пуста, на другой же появился неказистый рисунок ладони – будто кто-то прижал к деревяшке свою растопыренную пятерню, да и обвел каждый палец угольным карандашом. Поразмыслив, Ленька положил дощечку на столик и постарался разместить на ней свою ладонь так, чтобы пальцы оказались точно внутри нарисованных контуров. Едва он проделал это, в Сумраке перед его глазами вспыхнул ярко-зеленый текст. Прочтя оный от начала до конца, Епанчин зажмурился, мотнул головой и принялся перечитывать заново.

«...Предписывается удостовериться в целомудрии, неспорченности и чистоте указанной особы, после чего сопроводить...» Это как же? Это что значит – «удостовериться»?

Донельзя рассерженный, он без стука ворвался в комнату, в которую поселили Гиацинтова. Комната была полна клубов пара, а сам Темный, раздевшись до рубашки, засучив рукава и поставив перед мгновенно запотевшим зеркалом тазик с горячей водой, неспешно брился.

– Скажите, дано вам было тайное поручение, ознакомиться с которым следовало на месте? – взволнованно заговорил Ленька.

Гиацинтов насмешливо покосился на него через зеркало.

– Для чего вам? – гнусава от намазанной под носом мыльной пены, ответил он вопросом.

– Нет, скажите!

– Возможно.

– Сами же говорили – «одно дело», «рука об руку»!

Гиацинтов вздохнул, утерся насухо полотенцем и обернулся к Светлому.

– Я вижу, Леонид Алексеевич, вы смущены и возбуждены. Причем смущены изрядно, а оттого и возбуждены сверх меры и приличий. Либо поручения нам даны все-таки разные, либо... либо вы как-то на особинку трактуете свое. Будемте разбираться?

Он широко махнул в сторону стульев; сам, впрочем, боком уселся на застеленную покрывалом кровать. Под потолком и на фоне окна замерцала едва заметная радужная паутинка – «полог тишины». Ленька сконфузился и покраснел – он-то кричал про тайные поручения, совсем позабыв, что его могут услышать и даже наверно, наверно слышали в доме!

– Нуте-с, мой временный соратник, сказывайте, какую непристойностию напугало вас предписание. – Слово «непристойность» Гиацинтов выделил голосом так, что сомнений не осталось: знает.

– Что, по-вашему, может значить «удостовериться»? – набычившись и решив не отступать, с вызовом спросил Ленька.

– То и значит: освидетельствовать, проверить, убедиться.

– Да как же?! Как же я освидетельствовать смогу молодую барышню?! Мыслимо ли, Аркадий Прохорович?! Да еще и другое – я ведь не доктор... – Он совсем потерялся.

– Ну, хотите, я возьму сие поручение на себя? – разглядывая холеные ногти на левой руке и украдкой улыбаясь, предложил Гиацинтов.

«Потешается!» – догадался Ленька и теперь уж разозлился.

– Стало быть, вам такого не поручили? – прищурившись, сквозь зубы спросил он. – Не вызвали вы доверия, господин Темный?

– Так ваше-с руководство настояло-с! – комично развел руками Гиацинтов. – Дескать, Темный обязательно опорочит, одним своим взглядом опорочит! – Он рассмеялся. – А что ж? Очень даже возможно! Барышня, по всему, должна быть аппетитна юною свежестию...

– Оставьте, это пошло! – сухо проговорил Леонид. Собраться! Начальство никогда бы не поручило ему невыполнимого. Темный приставлен, чтобы лишь наблюдать, да еще потом, в случае чего, подстраховать в пути. Он тоже совсем не женский врач, а значит – освидетельствование должно производиться как-то иначе. – Как это делается... технически? Знаете?

– Знаю. Да вас не просветили разве? – Гиацинтов с театральной досадой покачал головой. – Ах, охламоны! И такие Иные решают наши с вами судьбы! По счастью, больше ваши судьбы, чем наши.

– Молчите! – нетерпеливо отмахнулся Ленька. – Про другое ведь спросил!

Гиацинтов удивленно вздернул брови.

– Грубите, молодой человек! – строго сказал он. – Нехорошо-с! Ну да Бог с вами. – И добавил тихонько, будто бы в сторону, кому-то третьему: – Эдак теперь не скажу, так ведь и уедем ни с чем. – И снова к Епанчину: – Лорнет вам выдали, мой неразумный коллега?

– Лорнет?

– Лорнет, монокль, пенсне. Ну?

– Выдали, – с облегчением выдохнул Ленька.

– Вот чрез него вы и исполните сию пикантную миссию. А теперь – извольте... – Он протянул руку к двери и потеревил в воздухе пальцами. – Скоро обед, мне еще нужно привести себя в порядок... Вам бы, кстати, тоже не мешало бы...

Последнюю фразу он проговорил уже в спину уходящему Леньке – задерживаться в обществе Темного сверх необходимого тот никак не стремился.

* * *

Перед обедом Леонида познакомили и с остальными членами семьи. Вернее сказать, знакомился и Гиацинтов тоже, но всем своим видом показывал, что давно вхож в этот дом, горячо и восторженно приветствовал Варвару Христофоровну Линц, супругу «брата», даже чем-то подшутил над ней, что вызвало одобрительный смех и главы семейства, и самой Варвары Христофоровны. Юную Анюту, русоволосую и быстроглазую, совсем еще ребенка, он по-родственному обнял и изобразил поцелуй в подставленную макушку. Ленька, разумеется, вел себя более сдержанно, вежливо улыбался и раскланивался.

За обедом «родственные отношения» окончательно наладились: хозяин теперь звал Гиацинтова Аркашей, а Анюта – дядюшкой.

После трапезы мужчины переместились в кресла к камину покурить, туда же им подали кофе. Ленька, не умеющий растягивать удовольствия, и с папироской управился быстро, и кофе одним глотком выпил, а остальное время слушал возобновленную беседу «братьев».

– Сомневаюсь я, Аркаша! – задумчиво признавался Витольд Германович. – Видано ли?! Да и кто надоумил-то тебя?

– Странно мне слышать от тебя такое! – «обижался» Аркадий Прохорович и прижимал свободную от папироски руку к груди. – Я ж и сам – всей душой! Я в Париже знакомство заимел, там как раз наши балетные на гастролях выступали. И – честно признаю! – в первые-то недели даже ни к чему, а вот как в Санкт-Петербург-то вернулся, да случайно мимо Мариинки прошел... Э, думаю, да ведь у меня племянница любимая танцем увлечена! Увлечена ведь? Слыхивал, с нею заниматься француза приглашали?

– Так-то оно так... – побряхтывая, признавал Линц.

– Ну я и зашел, возобновил парижское знакомство, а заодно и справки навел. Вот, даже выпросил с собой в поездку их служащего, Леонида Алексеевича, чтобы он сам оценил, насколько Аннэт хорошо танцует. Вообрази: уговаривать пришлось! А ты – «кто надоумил»...

– Да я не об этом, Аркаша! – с раскаянием в голосе говорил Линц. – Видано ли, чтобы юная барышня в чужой город одна? Ты ведь знаешь и сам: Анюта – девочка домашняя. Ну, куда ей в столицу?

– Это ты, брат, зря! Театральное то училище, при котором школа танца, не так давно на Каменном острове отдельной дачей для своих воспитанниц обзавелось – там и Аннэт жить станет, коли примут ее. Посторонних внутрь не пускают, я снаружи походил, посмотрел – сплошное благолепие! А среди воспитанниц, между прочим, такие экземпляры попадаются, что от одних только своих фамилий девицы в строгости и скромности себя держат. – Аркадий Прохорович воздел палец и почти раздельно проговорил: – Репутация!

– А поклонники? – Тут Линц перегнулся через журнальный столик с кофейником, даже задел его, и зашептал: – Сам небось знаешь, как танцовщицы прельщают мужской взгляд!

– Фи! – дернул плечом Гиацинтов. – Не о том ты думаешь и говоришь, Витольд! – Тут Гиацинтов опять воздел палец. – Царская семья спектакли посещает! Нешто ты думаешь, что воспитанницы Императорского училища не знают, что воспоследует, стоит им разок хвостом повертеть да поклонником увлечься?

Слова – шелуха. Ленька прекрасно видел, как усиливает воздействие на Линца Темный маг. Он бы мог и вовсе без слов обойтись, но тогда слишком странным выглядело бы мгновенное согласие отца отпустить дочь. Так что представление разыгрывалось не столько для сидящего у камина Витольда Германовича, сколько для остальных – жены его, дочери, слуг, которые за спинами беседующих споро убирали со стола.

Аннэт отошла к окну и смотрела теперь на улицу. Ленька, поняв, что его помощь Гиацинтову не потребуется, направился туда же. Глянул сквозь Сумрак. Аура девочки трепетала самыми разными оттенками. Ей и хотелось уехать, и сомнения одолевали, она уже и в школе себя видела танцующей, и в спектаклях, и в магазинах столичных с новыми подружками из хороших семей – и в это же время страшно ей было, как никогда доселе.

– Папенька согласится, – тихо сказала она Епанчину. – Я по голосу слышу.

– Что ж? Плохо это?

– Не знаю, – доверчиво глядя на Леньку, шепнула она. – Я уж размечталась, глупая. А сама боюсь.

– Чего же?

Анюта снова отвернулась к окну, долго молчала, глядя пред собой, затем задумчиво проговорила:

– Меня папенька брал с собой в Симбирск, в дворянское собрание. Там в малом зале выставка фотографическая была. Я одну картину особенно выделила и запомнила: «Край поля за десять секунд до дождя». Знаете, Леонид Алексеевич, если бы не ее название – я бы мимо прошла: подумаешь, природа! И впрямь – поле, лесок сбоку, дорога укатанная. Но в этой фотографической картине главным было не то, что видишь сейчас, – главное то, что случится через десять секунд. Каким он будет, этот дождь? Почему художнику так важно было упомянуть его? Может, эти десять секунд – самые последние мгновения, когда еще можно увидеть этот уголок таким, какой он есть? А потом – заураганит, взвоят, хлынут потоки, молнии исполосуют небо, а одна непременно попадет в сухое дерево!.. И ничего не останется. И смотришь, смотришь на картину – и никак глаз не отвести. Вдруг пропадет все это? Вдруг погибнет?.. Я сейчас будто в ту картину попала. Не смейтесь! Гляжу по сторонам в сонном оцепенении – а как знать, что через десять секунд случится? Вот оно есть сейчас: привычное, знакомое, родное, а даст папенька согласие, увезет меня дядюшка – и все исчезнет... – Она быстро обернулась. – Я фантазерка, Леонид Алексеевич, да? Скажите, фантазерка?

Спросила не из жеманства, а по простоте душевной, присущей детям. Разумеется, Ленька был ей любопытен – новый человек в доме! – но ей даже в голову не приходило смотреть на него с женским интересом или кокетством. А он пристально вглядывался в ее лицо.

Она не была красавицей. Может, когда-нибудь расцветет. А пока перед Епанчиным стояла гибкая прелестная девочка, еще подросток, однако – потенциальная Иная, которая для чего-то потребовалась Дозорам столицы. И именно он, Леонид Епанчин, должен будет

нарушить то знакомое, привычное и родное, то самое, что она сейчас боится потерять. Как тяжело сам Ленька справлялся, когда узнал про свою инаковость?

Так что права эта хрупкая барышня, когда говорит про последние десять мгновений перед бурей...

«Ну, положим, не факт, что непременно буря!» – раздался по «тихой связи» едкий голос Гиацинтова.

«Подслушивать изволите, господин Темный? – в тон ему ответил Ленька. – Ну, слушайте, слушайте. Лишь бы не мешали».

«Послать за сердечными каплями, любезный Леонид Алексеевич? А то, неровен час, произойдет с вами нервический припадок от переизбытка Светлой тоски...»

«О себе позаботьтесь, Аркадий Прохорович!»

– Вы меня когда смотреть станете? – внезапно прервала магическую беседу по «тихой связи» Аннэт.

– Что? – вздрогнув, переспросил Ленька и уставился на нее круглыми шалыми глазами.

– Вы же хотели посмотреть, как я танцую, – удивилась девочка. – Передумали?

– Позже, – пробормотал Ленька и зашевелился. – Вы простите меня...

– Да, конечно, ступайте. Я пока с маменькой побуду.

Когда Ленька вернулся к камину, Линц как раз удалился отдать несколько распоряжений, так что дозорным никто не мешал говорить вслух. Тем не менее Гиацинтов накиннул невидимый «полог тишины».

– Мне кажется, дело ясное, – откинувшись на спинку кресла, сказал Епанчин.

– Это вы об чем, позвольте узнать? – вздернул брови Темный.

– Об ней, об Анне. Чиста и непорочна, как дитя, каковым, по сути, и является.

– Откуда такой вывод?

– А вы на ауру ее взгляните да побеседуйте с нею пару минут!

– Э, нет! – Гиацинтов с усмешкой покачал головой. – Не вам решать, любезный мой идеалист! Да и не мне. Определить такую чистоту может только лорнет.

– Еще объясняет! Да какую – такую?! – повысил голос Ленька. – Что вы издеваетесь? Не видите разве, что нет нужды лорнет задействовать?

– Слыхивал я, милостивый государь, что раз в десять-пятнадцать лет Дозорам требуется некий эталон душевной чистоты, – с благодушной улыбкой поведал Гиацинтов. – Выбирается носитель такого эталона долго и тщательно, да все по губерниям, где баловство не в моде, где тревожных волнений не встретить и особых радостей не наблюдается. Эдакий нейтралитет эмоций. Тишь, да гладь, да Божья благодать. От семьи многое зависит, от воспитания, от окружения. А как выберут – делают с упомянутого носителя магический слепок, по которому следующие годы отмеряется склонность потенциальных Иных к Тьме либо к Свету. Сами знаете, как трепетно Дозоры относятся к праву инициации, особенно ежели речь идет о будущих Иных, в которых большая Сила уже заранее видна. Вот для таких спорных случаев – эталон, слепок с которого хранится за семью печатями, будто бы в банковской конторе. Проходит время, подрастает новое поколение, у которого уже свои идеалы, свое воспитание. Веяния эпохи! Прогресс! А то и война, к примеру. Все это сказывается, милостивый государь. И тогда требуется уже новый эталон. Вот и разослали гонцов во все концы...

– Вы это точно знаете? – в волнении перебил Ленька.

– Слыхивал, – уклончиво ответил Гиацинтов. – Может, и ошибаюсь. Ну а вдруг? – Он помолчал, закурил еще одну папироску, помахал ею пред собой. – Теперь, сударь, сами посудите: умно ли будет взять на себя ответственность? Сможете с уверенностью сказать – да, она эталон? А вдруг Света в ее душевнике больше? Ведь тогда всех потенциальных, у

кого в сравнении с нею Света меньше, дозволено будет Темными инициировать! Ну-с? Как? Нравится?

– Да вы-то тогда об чем печетесь? – с неприязнью поинтересовался Ленька. – Вам же с того прямая выгода будет!

Гиацинтов терпеливо вздохнул.

– Так ведь и обратная ситуация может приключиться. Слыхали, как говорят? «В тихом омуте черти водятся».

Леонид никак не мог согласиться, что где-то внутри Анюты сокрыто черное, чертовское, однако спорить не стал.

* * *

Он извинился, ушел к себе в комнату и заперся. Надо было еще раз осмотреть служебные амулеты, чтоб уж окончательно убедиться в их предназначении.

Он взял в руки свитки, развернул. Черт ногу сломит! Письмена древние, буквы на латиницу похожи, да не все. Глянул сквозь Сумрак, использовал заклятье «суть вещей», начал разбираться. Значит, вот этот – «на беду Светлую», а вот тот – «на беду Темную». Это, стало быть, ежели кто захочет девицу раньше срока к Тьме или Свету обратить. Рвешь свиток пополам – и преждевременная инициация не состоится, закроется до поры для Анюты первый вход в Сумрак.

Ленька вынул коробочку с золотым браслетиком. Тут тоже суть была похожая, только оберег сей был не от внешней угрозы, а от внутренней, чтобы сама Аннушка по каким-то причинам от избытка чувств не поменяла нынешнюю чистоту на оттенок: например, ежели при ней помрет кто-нибудь, а то и наоборот – влюбится она в кого-нибудь по дороге.

В общем, вкупе с пенсне все это доказывало лишь то, что довести девушку до Санкт-Петербурга требуется в том виде, в каком они ее здесь обнаружили. Про эталон, про ответственную миссию нигде не сказывалось.

Ленька пригорюнился. Подвох? А где и какой?

Не верилось Епанчину, что столь важное поручение стали бы доверять пусть и сильному, но не самому опытному дозорному в бюро. Или загадка проста и всех остальных сотрудников точно таким же образом отправили в другие губернии, других носителей освидетельствовать?

Голова сделалась больной и тяжелой, а тут еще и Гиацинтов в дверь поскребся.

– Любезный мой временный коллега, не соблаговолите ли вы приступить к выполнению возложенной на вас миссии? – с ехидством, какое и из-за двери прекрасно слышалось, спросил он.

«Подите к черту!» – хотелось ответить Леньке, да не хотелось преумножать злобы в этом мире. Он отпер замок, посмотрел на Темного долго и внимательно.

– Я все еще сомневаюсь, Аркадий Прохорович...

– Знаете ли, в чем между нами разница, мой неразумный друг? – насмешливо спросил тот. – Я служу в Дозоре – и вы служите в Дозоре. Мне дано предписание – и вам дано предписание. Но в мою голову даже не приходит сомневаться, а вы уже дошли до крайней степени нервного напряжения. Посудите сами, сударь, хорошо ли это, ежели солдат станет мучиться из-за каждого приказа военачальника? Доведет ли до добра привычка всякий раз думать, стрелять в сторону врага или не стрелять? Эдак и войну проиграешь, и сам себя, чего доброго, погубишь. Это я вам, милостивый государь, из чистой симпатии прописные истины внушаю, а другой бы воспользовался и доложил, как вы с поручением справиться не можете. А и так-то вообразите: у нас с вами речь не о стрельбе идет! Никого не убиваем,

и даже наоборот: надлежит девицу в целости уберечь. Решайтесь скорее! Удачный момент. Пригласите барышню продемонстрировать па-де-де, а сами лорнет примените.

* * *

Анюта, слушая некую музыку внутри себя, замерла в позиции, и тогда Ленька вошел в Сумрак. С первого слоя, сквозь пенсне, виделась барышня не размытым пятном с яркой аурой, а вовсе даже обычно, будто вместе с ним в Сумраке оказалась. Обычно – это значит четко, словно в реальном мире, хотя облик и претерпел некоторые изменения: танцевальное ее платье словно бы сделалось полупрозрачным, ноги оказались босыми. Чуть помешкав, Леонид мысленно передал Гиацинтову то изображение, что виделось ему сквозь магические стекла.

– Сымайте, сымайте! – принялся подначивать Темный. – Всю одежду долой!

– Как?! – в ужасе воскликнул Ленька. – Все-таки сымать?!

– Ну не руками! – сжалился Гиацинтов. – Вот эдак ресницами сделайте. – Он показал, как сделать.

Епанчин зажмурился, а когда вновь открыл глаза – платья на девушке уже вовсе не было.

– Дальше, дальше! – азартно советовал Темный. – Как луковку, слой за слоем!

– Молчите! – взмолился Ленька и застыл, глядя на беленькие девичьи панталончики и короткую исподнюю рубашку в мелких кружавчиках, взмокший от стыда, расстроенный и раздосадованный. – Ну... Ну, вот я так и думал!

– Да что ж вы стоите-то? Моргайте, моргайте! Экий вы стеснительный!

– Опять говорит! – изумился Ленька. – Гиацинтов, я вас ударю!

– Извольте, только ведь я в ответе не останусь! Да полно вам, долго ли еще ждать без цели будем, Леонид Алексеевич? Все одно ведь надобно окончить.

Он был прав, Леньке просто требовалось собраться с духом. Он глубоко вдохнул стылый воздух первого слоя, зажмурил глаза, а когда вновь открыл – Анюта стояла перед ним абсолютно нагая. Откуда-то изнутри сквозь нежную кожу исходило сияние, каких Леонид еще не видывал. Пронзительно чистое, прозрачное, оно завораживало, обволакивало, проникало в него и повсюду... Спроси – он не смог бы объяснить, как прозрачность может сиять, а вот ведь – видел сам!

Впрочем, видел он гораздо больше – и незрячие сей миг, скромно опущенные глаза Аннэт, и маленькую, едва начавшую развиваться грудку с крохотными розовыми сосцами, и молочно-белые бедра подростка, и пушистый треугольник русых волос ниже живота... А хуже того – все то же видел и Гиацинтов, с вожделием ловивший мыслеобразы, вынужденно посылаемые напарнику Леонидом.

«Я люблюсь? – пришла в голову мысль, показавшаяся вначале отрезвляющей. – Да полноте, достойно ли это Светлого – тайком смотреть на обнаженную девочку?! Кабы невеста, да и то... Положим, мне и впрямь хватит этого, чтобы влюбиться. Но нельзя, нельзя! И довольно! – И вдруг шальное: – А ежели я сейчас дотронусь до ее груди? До самого краешка, до нежного розового бутончика? И не из похоти вовсе, а из истинного трепета перед прекрасным? Прибавит ли это черноты сиянию? Будет ли она все еще считаться непорочной, после моей руки-то?»

Рядом кто-то всхлипнул, и Ленька вздрогнул – не столько от испуга, сколько от изумления.

– Экая чистота! – Гиацинтов не то украдкой плакал, не то тихонько смеялся от счастья, а потом вдруг принялся оправдываться: – Говорю вам – истинно эталон! Многие по три жизни проживают, а такой красоты ни разу лицезреть не доведется. Идеал, наслаждение!

Только теперь Епанчин понял, что нетерпение Темного не было похабным, а ежели подначки и являлись таковыми, так это от эмоций: на самом деле Гиацинтов поскорее хотел увидеть, что такое есть эталон. Видать, слышал от кого-то, а тут шанс воочию проверить слухи!

Бросив последний взгляд на прекрасное тело в ореоле сияющей прозрачности, Ленька снял пенсне, а затем сразу же покинул Сумрак.

* * *

Через час после «освидетельствования» (уезжать было решено назавтра, и теперь по дому бегало туда-сюда и хлопотало неведомое количество народу, выполняя распоряжения хозяев и собирая все самое необходимое), когда красное солнце нависло над лесом, Леньке вдруг на миг сделалось темно. Да и не на миг даже – небо как потемнело, так и не приобрело обратно свой привычный оттенок, и снежная целина за домом как будто оказалась в сумерках, невзирая на косые лучи по-зимнему холодного светила.

Епанчин высунулся из своей комнаты и увидал, как на той стороне коридора точно так же высовывается из приоткрытой двери Гиацинтов. Впервые с момента знакомства Темный маг вид имел серьезный и собранный.

– Ваши окна к лесу выходят? На ту сторону? – спросил Аркадий Прохорович.

– На ту.

– Дайте посмотреть!

Гиацинтов приблизился, отодвинул Леньку и подошел к окну. В груди тоненько заняло от нехороших предчувствий.

– Худо, братец, – прокомментировал Аркадий Прохорович. – Гляньте! Сюда направляются.

От опушки леса, мелкие и одинаково черные от расстояния, двигались через целину точки.

– Почем вы знаете, может, и не к нам? – пробормотал Леонид.

– Чрез Сумрак гляньте, – порекомендовал Гиацинтов.

Хоть и далековато было до точек, однако ж и отсюда были заметны ауры Иных.

– Может, это губернский Дозор? – предположил Ленька. – Может, выследили в здешних местах ту ведьму, которая накануне могилу разорила?

– Может, и так. А только не мешает нам с вами подготовиться ко встрече. – Гиацинтов смотрел наружу с непонятной Леньке тоской. – Уж больно много их там. Не верится мне, что в симбирском бюро столько служащих.

– Уехать от греха? – вслух рассудил Ленька.

– А она? – Темный мотнул головой в сторону хозяйской половины дома. – Напугается, да и родители от такой спешности рады не будут, почуют подвох.

– Зачаровать их!

– Хорошо, а дальше? Куда мы? Поезд только завтра. Найдут, нагонят.

– У меня боевой жезл есть. Служебный. А еще несколько своих амулетов – и охранных, и атакующих.

– У них тоже есть, не сомневайтесь. – Гиацинтов, по виду, лихорадочно просчитывал что-то. – Кабы знать, что им надобно! Хотя тут я, кажется, и без подсказок догадываюсь. Сделаем вот что: вы теперь ступайте, обработайте Анну Витольдовну. Дали вам средства для этого?

– Дали. Сделаю. А вы что?

– Я попробую защиту на дом наложить. Плохо то, что дом большой, всех щелей не заметишь! – Он досадливо поморщился, вздохнул. – Кабы оба мы одного цвета были! Вдвоем бы сподручнее...

Ленька достал саквояж, в котором, кроме амулетов, ничего другого сейчас не было, и заспешил в хозяйскую половину. Чем занимался в это время Гиацинтов, он видеть не мог, но по перемещениям Силы внутри дома понимал, что тот плетет тяжелые заклинания от вторжения.

Страх он пока не ощущал, но тревожиться – тревожился.

Зайдя в гостиную, он сразу заметил барышню, покорно выслушивающую наставления маменьки. Кашлянул вежливо и позвал:

– Анна Витольдовна! – Она обернулась к нему. – Варвара Христофоровна, прошу простить, можно я украду у вас Аннэт на одну минуточку?

Пока девушка шла, он поставил саквояж у ног, раскрыл и вынул из него сразу оба свитка, развернул и с этого момента стал смотреть сквозь Сумрак.

Барышня приблизилась.

– Вы уж извините, что отвлек по пустяку! Знаю, что на то слуги есть, но бегают-с, в дорогу вещи собирают-с, стыдно и занимать-то их. А у меня тут несколько бумаг ненужных, выкинуть бы! – Он одним движением разорвал сразу оба листа перед ее лицом; взмыли с исписанных страниц светящиеся в Сумраке символы, часовыми цепочками потянулись строчки, окутали, опутали Анюту с ног до головы, заплелись в волосы навроде лент. – Или, может, в камин, на растопку сгодятся?

Он протянул ей клочки, а она изумленно на него посмотрела (экий чудак!), но все-таки взяла.

– Аннэт, ради Бога, простите, это только предлог был, чтобы вас поближе подозвать! – едва слышно зашептал он. – Не считите фамильярностью, но я бы очень хотел, чтобы вы сейчас, немедленно, надели вот это.

Из саквояжа он вынул бархатную коробочку, а из нее – тоненький браслетик.

– Дружеский подарок, исключительно дружеский! В честь приятного знакомства и предстоящей поездки!

Аннушка не успела даже вспыхнуть от смущения – а браслет уже оказался на ее детском запястье. Капелька Силы – и ни Варвара Христофоровна, ни Витольд Германович в жизни не разглядят золотую нить на руке дочери, а стало быть – не станут задавать ненужные вопросы.

Теперь – обратно!

Из комнаты было хорошо видно, что незваные гости преодолели уж по меньшей мере половину расстояния. Теперь их можно было разглядеть, и в первую очередь бросались в глаза два огромных волка, да еще в небе кувыркалась гигантская черная птица.

– Страшают! – прокомментировал возникший из ниоткуда Гиацинтов.

– Вы про волков?

– Про нетопыря. Демонстрируют, так сказать, какими возможностями располагают. Да только лишнее это, показуха! Даже сильный упырь (а раз в летучую мышь перекидывается да на солнце не боится показаться – всяко сильный!) в дом без приглашения не войдет. А выманить нас ему на растерзание – это надобно исхитриться!

– Все Темные, – задумчиво выглядывая из окна, констатировал Ленька.

– Все, – согласился с ним Гиацинтов и вновь бесшумно исчез.

Епанчин переоделся в ту одежду, в какой был в поезде. Тут было пришито и упрятано за подкладкой несколько хитрых штукун, которые могли бы пригодиться в противостоянии. Не забыл вынуть из брюк и водрузить на палец казенный перстень. Сходил в гардеробную

и взял из кармана пальто персональный боевой жезл в виде огрызка графитового карандаша – вид обманчивый, на то и расчет.

За это время процессия окончательно добралась до задней части дома, со стороны черного выхода. Теперь чуть в отдалении стояли те самые волки, да еще человек пять Иных, а вперед продолжала двигаться лишь одна фигура. Это была молодая черноволосая дама, в длинном, цвета морской волны платье с кринолинами и шлейфиком, в шляпе с пером и яркими лентами. Высокая – но ровно настолько, чтобы мужчина среднего роста не чувствовал себя при ней нелепо и смущенно. Гордая осанка, лебяжья шея, точеные плечи, на тонкой талии – поясок с красными камнями, в глубоком вырезе видна высокая белая грудь. С такой фигурой иметь красивое лицо – не обязательная роскошь. А она была красива. И шла по белому снегу (без теплых сапог, без зимней одежды!) так, что ее можно было представить прогуливающейся по набережной Ялты, по теплому песку июльского Средиземноморья, по аккуратным немецким тротуарам фешенебельных курортов.

А еще она была ведьмой – уверенной, сильной, никак не ниже второго ранга, а может – и того выше.

– Мне удалось добиться отклика от симбирского Дневного Дозора, – шепотом, прикрывая губы ладонью, сообщил вновь появившийся из воздуха Гиацинтов. – Отрапортовал.

Ленька только головой покачал, представив, какую прорву Силы пришлось потратить Темному, чтобы «докричаться» до своих.

– Стало быть, тут – не они, – не столько спросил, сколько констатировал Епанчин. – Придут на помощь?

– Выехали, – коротко ответил Гиацинтов.

Ленька сосредоточенно кивнул, затем указал подбородком на гуляющую по снегу даму:

– Одна идет. Говорить хочет?

В тот же миг она подняла большие свои глаза, взглядом нашла их в окне и, приветливо улыбаясь, поманила пальчиком.

– Надо бы людей усыпить! – так же, как и напарник, прикрыв ладонью рот, тихонько проговорил Ленька. – Мало ли до чего дойдет?

– Дворовых бы не стал, – с сомнением хмыкнул Гиацинтов. – Дворовым вилы бы раздать – может, хоть волков бы ненадолго задержали!

– Нет уж, Аркадий Прохорович! Усыплять – всех! – твердо сказал Леонид. – То, что тут будет, людей не касается! А так хоть живы останутся...

Гиацинтов пожал плечами и щелкнул пальцами – было слышно, как в коридоре кто-то замертво упал на пол.

– Выходить-то будем? – на всякий случай уточнил Темный.

– Нам время протянуть надобно, – рассудительно заметил Ленька. – Защита защитой, а и разговорами их отвлечь можно надолго.

– Смотря чего хотят! Ну, коли так – идемте, чего ждать-то?

– Останьтесь тут! – скомандовал Епанчин, чем вызвал удивленное дрожание бровей напарника; пришлось напомнить: – Нетопырь! Выйдем оба – до обоих сможет дотянуться.

Женщина, заметив их нерешительность, недовольно топнула ножкой. Потом, будто догадавшись о чем-то, усмехнулась, вынула из рукава белый шелковый платочек и помахала им перед собой.

– Останьтесь! – повторил Ленька и решительно затопал из комнаты.

Выйдя через черный ход (пришлось перешагивать через храпящую краснолицую девку, упавшую в дверях с кадушкой моченых яблок), он направился к даме.

– Ночной Дозор Москвы, действительный сотрудник – Светлый Иной Епанчин Леонид Алексеевич! – скороговоркой выпалил он. – Кто вы и что вам угодно?

Молодая женщина улыбнулась с толикой кокетства и распевно проговорила:

– Арина Александровна, Иная, Темная. Думаю, при нынешних обстоятельствах фамилия моя вам ни к чему, не так ли, Леонид Алексеевич? Что, – вдруг капризно спросила она, – даже ручку даме не поцелуете?

Вместо того чтобы воспользоваться дозволением, Ленька взглянул на нее сквозь первый слой и едва удержал себя от того, чтобы отшатнуться. Нет, ведьма не превратилась в уродливую старуху, на первом слое она была так же сказочно хороша – сильна, чертовка, раз сумела такой морок навести, что даже в Сумраке обмануться можно! Зато Тьма тут ошутимым плотным коконом окутывала ее – Тьма страшная, первозданная, шевелящаяся.

Было похоже, что Арина Александровна проделала то же самое – посмотрела на Леньку сквозь Сумрак. Во всяком случае, она трогательно приложила ладошку козырьком ко лбу:

– Ах, светлячок, какой ты яркий! Ослепнуть можно! – она задорно рассмеялась.

– Повторяю вопрос: кто вы? Для чего пожаловали?

Улыбка исчезла с ее лица, а глаза – большие, живые, цепкие – в упор уставились на дозорного.

– Я думаю, ты и сам догадался, мой лев! Такие приготовления! – Она широким жестом обвела дом Линцев.

– И все же?

– Ну, изволь. – Она прошлась перед ним туда-сюда. – Мы пришли, чтобы спасти от незавидной судьбы юную барышню. Проще говоря, хотим умыкнуть ее из лап Дозоров. И чем легче у нас сие получится – тем больше вероятность, что вы вернетесь в столицу невредимыми.

– Нам без нее в столицу путь заказан, – уведомил даму Ленька. – Да и на каком основании вы намерены нам воспрепятствовать?

– Я же объяснила: жаль девочку, хотим выручить из беды.

– Могилу вы вскрыли? – вдруг невпопад спросил Епанчин.

– Фи! Какую мерзость вы сейчас сказали, милый юноша! – брезгливо поморщилась Арина Александровна. – Да пристойно ли мне таким заниматься?

Тут она хитро улыбнулась и плавно провела ладонью возле живота. От этого движения на одну короткую секунду красные камни на ее пояске приняли свой настоящий вид – вид вырванных с корнем ногтей. «Она показывает, что накачана Силой безо всякого предела! – догадался Ленька. – Она одним движением мизинца может сейчас развеять меня по ветру! Даже если мизинец не ее собственный, а тот, отсеченный у трупа...»

– А все же, будьте так любезны, удовлетворите мое любопытство, сударыня! – внезапно расслабившись, с улыбкой предложил Епанчин. – Ну на кой вам какая-то девочка? Стоило ли ради сей скромной особы тащиться по снегу, в мороз?

– Какая-то девочка? – изогнула черную бровь красавица. – Да ты шутить изволишь, светлячок? А коли шутки твои мне не понравятся – не боишься?

– Вас, Арина Александровна, я могу бояться только в одном: уж больно вы хороши собой, дыхание перехватывает! Того и гляди – задохнусь от восторга!

Ведьма снисходительно дернула уголок губ.

– Язви, язва, язви! Вижу же, что в словах твоих, нарочито легковесных, много правды – нравлюсь я тебе.

– Нравитесь, – не стал отрицать Ленька. – Да только роли это никакой не играет, увы.

– А что играет? Ты скажи, я, может, и исполню! В обмен на Анюту.

– Да что вам в ней?! – начал сердиться Светлый.

Прелестница в летнем платье невинно захлопала густыми длинными ресницами.

– Я же объяснила! Спасая ее от незавидной участи!

– А откуда вы узнали, какова ее участь? – любопытствовал Ленька.

– Да как же?! – озадачилась Арина. – Известно! Чай, в одном государстве обитаем! Срок подходит, Ингерманландец оголодал, скоро дань свою потребует. А в Симбирской губернии завсегда девицы чистотой своею славились...

– Постойте, сударыня! Вот эти все слова – срок, оголодал, дань, – к чему вы их произнесли? Али простуда уже сказывается? Залихорадило вас, может быть? Бред начался?

Глаза Арины Александровны сузились, а потом перевела она их куда-то за спину Леньке. Он обернулся и увидел стоящего в окне Гиацинтова.

– А ты даже не сказал ему, старый прохвост? – в голос крикнула ведьма. – Что ж так?

– Все он мне сказал, – успокоил ее Ленька, сильнее сжимая кулак и оглаживая большим пальцем перстень с защитой. – Только вам о том знать не следовало бы. Откуда же знаете?

– Не первый год на свете живу! – насмешливо ответила Арина.

– А может, и не первую сотню лет, а? – подмигнул ей Ленька. – Знаю, знаю, слыхивал: для продления своей молодости и красоты используют ведьмы кровь девственников. – Он внешне, разом подался к ней всем туловищем и с угрозой проговорил: – Для этого вам Аннэт понадобилась? Для этого? Говорите!

Угроза, может, и не произвела на Темную впечатления, зато смысл сказанного позабавил.

– Ах-ха-ха-ха! – рассмеялась она, широко раскрыв рот с ровными беленькими зубками. – Так вот ты что думаешь, мой лев! Защитник! О, как ты сейчас прекрасен, милый мальчик! А теперь выкинь всю эту дурь из головы и ответь-ка: сказывал тебе тот про Ингерманландца? Или он какой-нибудь благородной и романтической чушью посвистел тебе в уши?

Ленька растерялся. Он знал, что Темным нельзя верить. Но тут – оба Темные. И кто же из них врет? И что это за Ингерманландец, о котором толкует ведьма?

– Мне нужно посоветоваться... – пробормотал Ленька.

– Иди, иди, – кивнула Арина; ленты на ее широкополой шляпе заколыхались, заструились от движения. – Обратно не жду. Разговоров больше не будет. Хочу, чтобы через четверть часа вы выпустили барышню и не вздумали нас преследовать. Тогда жизнь вам сохраню, а перед начальством столичным уж как-нибудь оправдаетесь.

* * *

Невыносимо пахло гарью. Наволочка, которою Ленька перемотал раненое бедро, насквозь пропиталась кровью. Остальными ранами времени заняться не было вовсе.

Никогда не верь Темным... Они, может, и под угрозой смерти всей правды не скажут. Но у жестокой, страшной Арины были свои резоны, а у Гиацинтова резонов скрывать что-либо не осталось.

В беленый потолок под углом с шипением вонзился очередной стреловидный сгусток Тьмы. Внизу тоже что-то с дребезгом разлетелось. Епанчин грязными от крови и копоты пальцами оторвал еще одну пуговицу, надавил, Сила послушно перетекла в ладонь, формируя пятое по счету «тройное лезвие». Гиацинтов в первом этаже вновь произвел нечто смертоносное – дозорный услышал визг сокрушенного противника. Сколько же еще их осталось?

Выглянув из окна второго этажа, Леонид запустил «тройное лезвие» наугад, в одну из теней, что казалась подвижной. Не попал.

И снова ударил Гиацинтов. А все ж какой молодец! Час назад Епанчин возвращался от Арины – и не знал, стоит ли теперь доверять напарнику. Ведьма не просто так явилась к дому аккуратно после «освидетельствования» Аннэт. Словно дожидалась, чтобы уж наверняка убедиться, что барышня – именно та, которая ей нужна. А кто же мог сообщить ей об этом? Может, сам Гиацинтов и сообщил? А действительно ли он установил защиту дома? А дей-

ствительно ли вызвал подкрепление из Симбирска? А вдруг это все – заранее спланированная и разыгранная, как по нотам, партия? А даже ежели и нет – станет ли Темный помогать в противостоянии со своими же? Не сдастся ли превосходящим силам?

Гиацинтов не предал. Он не врал, когда говорил, что не обсуждает распоряжения начальства. Сказано любыми средствами защитить девушку, стало быть – надо выполнять.

Они вдвоем ударили без предупреждений и лишних угроз – просто выбрали себе цели и атаковали. «Нам главное сейчас – не дать им образовать Круг Силы! – объяснял по ходу Гиацинтов. – Пусть рассредоточатся!» И поначалу все шло весьма неплохо – Темные попадали в снег и только изредка огрызались. Затем начали обходить дом и пробовать прорваться внутрь то тут, то там. Аркадий Прохорович остался в первом этаже, Ленка перебрался во второй, откуда забрасывал нападавших файерболлами и «копьями Света».

А потом в схватку вступила Арина – и начался настоящий ад...

Теперь случилось внезапное затишье, и даже нетопырь перестал биться в окна. Тишина показала Ленке пострашнее боя, и он наскоро сквозь пол проверил, что там Гиацинтов.

Темный отходил: чудовищной силы ударом его зашвырнуло в камин, возле которого он еще днем неспешно покуривал с «братом». Огня в камине не было, но он и не понадобился – Аркадия Прохоровича переломало о решетку и каменную кладку, сложило в немыслимую и нелепую фигуру. В той же гостиной находилась Анна, спящая возле матушки на ворсистом ковре. Ленка сквозь Сумрак потянулся к ее сознанию – просыпайся, просыпайся! И Анюта откликнулась, мутным взором обвела комнату и, по всей видимости, решив, что все это – порождение и продолжение сна, послушно поднялась на ноги, послушно пошла к лестнице во второй этаж. «Скорее, скорее!» – мысленно поторапливал ее Ленка, а сам боком, оставляя на полу кровавые следы, подползал поближе к коридору. Наконец в дальнем его конце появилась Аннэт.

Заметив Епанчина, израненного, чумазого от копоти, в дымящейся одежде, она коротко вскрикнула и прижала обе ладони ко рту, будто пытаясь этот вскрик удержать.

– Не пугайтесь, Анна Витольдовна! – попытался улыбнуться Ленка, прекрасно понимая, как ужасна улыбка, когда у тебя одна губа почти оторвана и висит. – Слушайте меня внимательно, не перебивая и веря сразу и всему, что теперь скажу. Вы – не обычный человек, вы – Иная, только пока не можете в силу обстоятельств целиком осознать этого. Иных на белом свете не так много... вам потом все объяснят! Однако даже среди них вы – особенная. И за эту вашу особенность мы – я и... и ваш дядюшка – сражаемся сейчас с другими, которые хотят вас отбить у нас, не дать увезти вас в Санкт-Петербург. Вы меня понимаете?

Бледная, насмерть перепуганная девочка несмело кивнула и сказала:

– Вам необходима помощь! Вы ранены! Я сейчас пошлю за доктором!

– Стойте! Не смейте уходить и думать другие мысли, кроме тех, что я вам сейчас внушаю! – Ленка хотел приподняться на локте, но поскользнулся в натекшей откуда-то луже крови, ударился головой, застонал. – Не перебивайте, прошу вас! В ингерманландских болотах – мне о том ваш дядюшка поведал – целую тысячу лет обитает зверь... ну, пусть по-вашему будет дракон. Это древний маг. Силищи чудовищной! Такой чудовищной, что Иные давным-давно решили не убить его (не смогли бы!), а пойти на сделку: Ингерманландец пребывает в неге и покое сто лет подряд, а после, как оголодает, – ему приводят десять чистых непорочных девушек. А он за это никого следующую сотню лет не трогает... Уж что он там с девственницами делает, я не знаю. И никто не знает! Да только ни одна не вернулась... Вы, Анюта, чисты как раз той особой чистотой. Мы для этого за вами и приехали.

Девочка смотрела на него, распахнув от ужаса глаза.

– Те, кто сейчас хочет ворваться в дом с черного хода, говорят, что пытаются вас спасти, – продолжил Леонид, чутко проверяя первый этаж. – Для чего, для какой цели – неизвестно. Они – Темные, они – колдуны, они могут лгать. Ваши кровь и непорочность могут

понадобиться им для ужасных ритуалов... А с главного входа с минуты на минуту придут... скажем так – мои коллеги. Они защитят вас сейчас, они сумеют справиться. Но после они отвезут вас в Санкт-Петербург – и участь ваша будет предreshена. И сейчас вам непременно надобно решить, в какую сторону вы свернете, когда спуститесь по лестнице вниз. Я пока задержу тех, я сумею, у меня еще осталось последнее средство... Ступайте! Ступайте и сверните в правильную сторону!

– И как же сделать выбор, – трясясь, пролепетала девочка, – ежели и там смерть, и там? Ленька покачал головой.

– Смерть наверняка – только там, в ингерманландских болотах. И возможно, смерть мучительная, долгая. Но этим вы спасете сотни других невинных душ, которые погибнут, ежели древний маг выползет из своего логова. А здесь же, с черного хода, – возможно, свобода. Возможно, жизнь в ранге Темной колдуньи. Впрочем, я бы не стал на это полагаться... Ступайте! Они почуяли дозорных и теперь ринутся! Я постараюсь их задержать...

И он пополз обратно в комнату, переламывая в руке огрызок графитового карандаша. А она постояла, покачиваясь от страха и слабости, а затем начала спускаться. Ленька Епанчин, подымаясь на ноги, обрастая магической кольчугой и формируя в руке двуручный Меч Света, верил, что Аннэт свернет в правильную сторону.

Леонид Каганов

Депрессант

Не помню, сколько времени простоял на табуретке с веревкой на шее. Наверное, долго. Помню, что по лицу текли слезы и ссадина на подбородке пощипывала. А потом я услышал, как в прихожей щелкнул замок. Он показалось мне выстрелом. И тогда я страшно испугался. А чего испугался – не знаю, но прямо сердце остановилось. Чего можно испугаться, когда уже стоишь с петлей на шее? Синтия не должна была сегодня прийти, но она пришла, словно что-то почувствовала. Потом я до утра рыдал на плече у Синтии, а она меня утешала и говорила, что все наладится, что у меня стресс и что у нее есть прекрасный знакомый врач, доктор Харви, и она завтра же ему позвонит и обязательно меня к нему отведет, и он подберет мне лучшие в мире лекарства...

Синтия сдержала слово – созвонилась с этим Харви и наутро повезла меня в Кембридж. После всего пережитого мне было все равно – я не верил, что какой-то доктор Харви сможет мне помочь.

Харви оказался не совсем доктор – никакого кабинета в Кембридже у него не было, а побеседовать со мной он согласился после работы в местном пабе. И когда через окно я увидел, как молодой рыжий парень пристегивает велосипед у входа в паб, я и подумать не мог, что это тот самый доктор Харви, к которому меня везла Синтия полдня на поезде. О том, что Харви – ее бывший, она призналась уже потом. Да и правильно сделала, иначе я бы постеснялся рассказывать ему о своем состоянии. Они приветливо обнялись, затем Харви предложил мне прогуляться пешком и поговорить.

Мы шли вдоль каналов, а мимо все время проплывали спортивные байдарки, словно торопились на нерест. Сам Харви тоже выглядел спортивно – быстрый, энергичный, высокого роста. Я со своим весом и одышкой снова чувствовал себя лишним в этом мире и думал, что, наверно, зря Синтия сняла меня с табуретки. Сперва мы говорили ни о чем – о погоде, о Лондоне, о Брексите и выборах в Италии.

Мне думалось, что Харви сильно старше меня. Но потом я подумал, что мы ровесники. А потом заметил, что в его хорошо поставленном голосе и красивых энергичных жестах проскакивает чуть больше энергии, увлеченности и интереса ко всему окружающему, чем это принято у настоящих взрослых, даже таких бестолковых, как я. И понял, что доктор Харви – почти мальчишка.

– Меня зовут Мартин Логан, можете звать меня Марти, – сказал я, решив перейти к делу. – Мне двадцать шесть. А сколько вам, доктор Харви?

– Двадцать один, – ответил он. – Но у меня докторская степень по химии. Антидепрессанты – это то, чем мы занимаемся. Давайте к делу. Синтия сказала, что у вас проблема с депрессией. Расскажите подробней.

Я вздохнул.

– Доктор Харви, у меня не проблема с депрессией. У меня депрессия из-за проблем.

– Это само собой, – кивнул он, – все так и говорят поначалу. Но мы подбираем правильный антидепрессант, и проблемы исчезают. Так что рассказывайте о своих проблемах, потому что это одно и то же.

– Даже не знаю, с чего начать.

– Я помогу. – Харви приглашающе остановился посреди моста, оперся о перила и стал смотреть вниз, на проплывающие байдарки. – У вас проблемы с Синтией?

– Наверно, нет, – опешил я. – Думаю, что нет. Нет, точно нет!

– Видите, Марти, уже одной проблемой меньше. И целых три семейства препаратов можно сразу отбросить.

Мы помолчали. Я разглядывал маленькую яхту, припаркованную у берега. Похоже, она там стояла давно – больше напоминала курятник. В ней жили студенты – по палубе валялись спортивные рюкзаки, ведра, велосипед, учебники, а в грязноватое стекло рубки изнутри упиралась розовая пятка – там сейчас кто-то спал. Интересно, они зубы речной водой чистят? А душ как принимают?

Доктор Харви терпеливо ждал, пока я соберусь с мыслями. Надо было продолжать.

– Я сирота. Мои родители погибли, когда мне было четырнадцать.

– Это очень печально... – доктор Харви выдержал дипломатичную паузу, – но давно. Ведь вам двадцать шесть?

– Родителей фактически убил мой дядя, это очень жестокий человек.

– Но с другой стороны посмотреть: у вас есть дядя. Значит, вы не такой уж сирота.

– У меня нет дяди. Мы с ним не общаемся много лет, мне стоило большого труда вырваться.

– Ага, тут проблему я уже чувствую. Продолжайте.

– У меня нет профессии. У меня нет работы. Я бросил колледж, не смог учиться. Я ничего не умею в жизни. Я не могу ничего делать, я жирный, быстро устаю.

– Вот это ценная конкретика, которая указывает нам направление: группа стимулирующих антидепрессантов. Когда мы уберем депрессию, появится тяга к жизни. Вы сможете работать, учиться и будете получать от этого удовольствие. Ведь вы не инвалид, у вас руки и ноги, и вам всего двадцать шесть.

– Но у меня нет денег. Вообще! И неоткуда их взять! – выпалил я.

Доктор Харви изогнул бровь.

– Разве Синтия не сказала, что я поработаю с вами бесплатно? О деньгах можете не беспокоиться. Современные антидепрессанты вполне доступны по ценам. Я вас уверяю, вы не представляете, какой это широкий рынок и массовый спрос. Гляньте вниз... – Харви театрально указал ладонью на байдарку, полную нарядных девушек. Они весело щебетали и смеялись, налегая на весла. – Вы думаете, у них все хорошо в жизни? Да, хорошо. Но открою вам небольшой секрет: каждая вторая студентка в нашем городе сидит на препаратах. И каждый второй студент. Видите рулевого на той мужской байдарке? Ему я выписывал лично.

– Доктор Харви, – перебил я, – могли бы мы уйти наконец с этого моста? Мне очень некомфортно столько смотреть на воду...

– Что ж вы молчите! – укоризненно воскликнул Харви, – Прочь от воды! А у нас опять ценная конкретика: вы испытываете у воды беспокойство, неясную тревогу? В этом случае мы будем подбирать анксиолитики. У вас ощущение, что щемит в груди, когда вы смотрите на воду? Это началось давно?

– Вчера, – сказал я сухо, ощупывая ссадину на подбородке. – Меня били и опускали головой в Темзу.

– Вау! – изумился Харви. – Я думал, в Лондоне такого давно нет... Приезжие, наверно? Но кстати! – с воодушевлением воскликнул он и поднял палец. – Недавно была интересная статья о влиянии антидепрессантов на виктимное поведение. Представьте, коллеги из Миннесоты собрали женщин, которые жаловались, что сталкиваются с насилием примерно раз в год. Имеется в виду не только сексуальное насилие, еще побои, ограбления, автомобильные аварии – все то, что якобы случается не по нашей воле. Их разделили на две группы, первую посадили на антидепрессанты, второй давали плацебо. Прошел год, и как вы думаете...

– Они сказали, что убьют меня, если я не верну долг! – перебил я. – Я должен бандитам полтора миллиона фунтов.

Харви осекся и посмотрел на меня внимательно, но в глубине его глаз блестел чисто детский интерес.

– Это очень большая сумма. Как вам это удалось?

Я пожал плечами.

– Это долгая история. Вы слышали что-нибудь о криптовалютах?

– Биткойны?

– Не только. Если вкратце, я много играл на бирже.

Доктор Харви изогнул бровь.

– Для человека без профессии и денег это крайне беспечно. Трое моих знакомых инвесторов в один голос уверяли, что криптовалюты – опасная игра для самой высокорисковой части портфеля. У вас должен быть большой портфель, чтобы выделить часть на такой риск.

Я покачал головой.

– Вовсе нет. Все риски у меня были под контролем и взаимно прикрыты. Не улыбайтесь, такое тоже бывает, если держать вклады в позициях, которые всегда в противофазе. Грубо говоря, это как две чашки весов, где на каждой вы храните фунт золота, – куда бы ни качнулись весы, вы всегда будете в прибыли, если оперируете большими активами.

– Очень интересно! – сказал доктор Харви, и в его тоне блеснула нотка профессиональной неискренности. – Но в итоге весы качнулись не туда, куда вы рассчитывали, и ваша система дала сбой?

– Нет, не так. В итоге биржу накрыло ФБР. Основателю дали двадцать лет, сервера отключили. И такого форс-мажора моя система противовесов не покрывала...

– Кажется, я читал об этом в новостях, – задумчиво пробормотал доктор Харви и тайком бросил взгляд на часы. – Нам пора возвращаться.

Некоторое время мы шли молча, доктор Харви думал.

– Синтия мне о вашей ситуации не говорила, – признался он. – Боюсь, вся известная мне система антидепрессантов – это те же весы. Да, я умею их тонко настраивать, но... у вас случай, когда поломались весы. Наверно, я погорячился, когда сказал, что антидепрессант решает все проблемы. Трое моих знакомых инвесторов... одного уже год нет в живых, выбросился из окна. В общем, я думаю, вам надо пройти курс легкого успокаивающего антидепрессанта и пойти в полицию.

– Конечно, – кивнул я, – в полицию. Это была мировая биржа по продаже оружия и наркотиков. Ее основатель получил тридцать лет тюрьмы в США. Как думаете, сколько дадут мне в Британии?

– А криминал вам не чужд... – задумчиво пробормотал Харви.

– Нет, Харви, я не торговал оружием и наркотиками, я просто держал сбережения на кошельках той биржи и получал очень хороший доход.

– Я это и имел в виду.

– И вот когда я решил вложить большую сумму, в тот же месяц биржу накрывает ФБР... Где мне взять полтора миллиона?

– Сейчас подумаем, – кивнул Харви. – Я люблю интересные задачи и все-таки верю, что антидепрессанты способны решить практически любую проблему...

Мы присели на скамейку. Харви достал вайп и затянулся, выпустив густое облако пара – меня обдало запахом корицы, имбиря и какой-то неожиданной кислинки.

– Безникотиновый, – сообщил Харви хвастливо. – Глицерин с ароматизаторами и небольшой примесью ингаляционного коктейля из релаксанта, антидепрессанта и анксиолитика – мы недавно сварили в лаборатории, тестируем... Помогает думать. Кстати, ваш дядя богат? Мы можем подобрать коммуникативный антидепрессант, который поможет вам уладить конфликт с дядей...

– Мой дядя – Джозеф Логан, – сказал я.

– Видимо, мне должно что-то сказать это имя? – вежливо произнес Харви. – Но я его никогда не слышал.

– Мебельные фабрики «БАК».

– А, слышал! – оживился Харви. – Это же крупный бизнес! Всего полтора миллиона фунтов, чтобы спасти от смерти родного племянника... У дяди большая семья? Берем коммуникативный антидепрессант, налаживаем родственные отношения для начала с кем-то из его окружения, а потом...

– Харви, – перебил я, – у дяди Джозефа нет родственников, его жена умерла много лет назад. Этот человек хуже полиции. Он никогда в жизни не давал денег ни мне, ни моему отцу. Он проклял меня, когда я бросил колледж, и сказал, что меня больше нет в его жизни. А дядя Джозеф никогда не менял своего решения.

– Это получается, вы, Марти, его единственный наследник... – удовлетворенно кивнул доктор Харви. – Сколько же лет вашему дяде?

– Восемьдесят один... нет, восемьдесят шесть. Он внучатый дядя, брат моего деда.

Харви энергично затыкнул свой вайпом и задумался, глядя сквозь меня.

Я сидел и думал, что сама затея ехать в далекий город к этому парню была глупой. И лишь пережитое вчера помешало мне это вовремя понять.

– Вы ненавидите своего дядю? – уточнил Харви.

– Да, – сказал я без паузы. – А он ненавидит меня. Он ненавидел моего отца – держал его фактически в рабстве, пока не угробил. И я ненавижу его.

Харви опять затыкнулся, и на его взрослом лице снова мелькнуло неуловимое мальчишеское выражение.

– Восемьдесят шесть – много... – произнес Харви странным тоном, тщательно подбирая слова. – Ваш дядя прожил большую жизнь.

– И проживет еще столько же, у него прекрасное здоровье.

– Он может впасть в депрессию и наложить на себя руки... – предположил Харви.

– Никогда! Вы не знаете моего дядю.

– Никогда не надо говорить «никогда». – Харви снова выпустил облако пара, и теперь этот пар показался мне тошнотворным.

– Вы что же мне предлагаете? Убить дядю? – спросил я хмуро.

– Ни в коем случае! – заверил Харви. – Но я знаю человека, который вам поможет. Только анонимно. Я вам дам контакты, и он...

– Убьет дядю? Да вы вообще врач или кто?!

– Я фармаколог, – с достоинством ответил Харви. – Лучший в мире специалист по антидепрессантам. Вы не представляете, какого уровня люди и организации идут ко мне за консультациями.

– Да что толку от ваших антидепрессантов?! – Я вскочил.

Харви благодушно похлопал по скамейке.

– Сядьте, Марти, и позвольте кое-что рассказать. Сядьте ближе, мне придется говорить тихо. Вы знаете, фармакология – это как ваши весы. Есть слабительное – есть закрепляющее. Есть успокоительное – есть возбуждающее. Можно повысить давление, а можно понизить. Фармакологами разработаны тысячи антидепрессантов, но... вы слышали хоть раз про депрессанты? Без приставки «анти»?

– Нет.

– И я не удивлен, Марти. А они, как нетрудно сообразить, тоже существуют. По крайней мере с недавнего времени. Потому что спрос на депрессию тоже есть.

– Но зачем?! – изумился я.

– Возьмем Китай, – с задором начал Харви, – это родина депрессантов. Там успешно лечат оппозицию. Вы слышали про китайскую оппозицию? Ее нету. Каждый, кто не согласен

с мнением партии, получает препарат, и его сразу перестают волновать проблемы внутренней политики или, скажем, Тибета. Человек жив, здоров, может дать интервью зарубежным телеканалам – но чаще у него нет желания даже на это. А уж тем более – сочинять воззвания и планировать пикеты. У человека внутренний кризис, у него все валится из рук, все кажется бессмысленным, он в глубокой депрессии, и ни о какой политической борьбе уже нет речи. Жив, но выключен из активной жизни. Это гуманней, чем расстрел или тюрьма, согласитесь. Главное – ни у кого нет претензий, даже у него самого. Он же не понимает, что с ним произошло...

– Как не понимает? Его же лечат насильно!

– Есть разные способы, – пожал плечами Харви. – Можно пропитать одежду, которую он носит день за днем. Есть препараты, которые можно бросить в стакан один раз – жахнуть дозу, которая встроится в жировую ткань и уже оттуда будет выделяться в кровь месяцами по капле... Это технические мелочи. Куда интереснее, что есть не просто депрессанты, а препараты, которые вызывают самоубийство. В течение трех недель.

– Фантастика, – сказал я. – Никакая химия не может заставить человека принять такое решение!

– Ошибаетесь, мой дорогой! – ласково улыбнулся Харви. – Все гораздо проще, если понимать механизм. Достаточно ввести пациента в глубокую депрессию до полной потери сил, а затем включить ему энергию, не выключая депрессию. И он все сделает сам. Просто потому, что в таком состоянии это для него единственный выход. Если я правильно понял Синтию, у вас самого вчера тоже был... э-э-э... неприятный эпизод? Это нормальная реакция человека на ситуацию, которую он считает мучительной и абсолютно безвыходной. А такие комбинированные, разложенные по срокам препараты тоже есть, я вам скажу по секрету. И я не знаю ни одного случая, чтобы технология не сработала. И не только в Китае. Достаточно последить за новостями и светской хроникой... – Харви снова затянулся своим тошнотворным вайпом. – Экспертизой это недоказуемо: в первые сутки препарат распадется на метаболиты, а дальше они запустят сложные процессы. Дозу вам оставит в тайнике совершенно анонимный человек, которого вы не знаете и никогда не увидите...

Я встал и гордо вскинул подбородок.

– Спасибо, доктор Харви, я вас услышал. Но это не мой случай.

– Уверены?

– Абсолютно.

– А вы подумайте. На одной чаше весов – ваша жизнь. На другой – большая и долгая жизнь человека, которого вы ненавидите и которая сама вот-вот закончится...

– До свидания, доктор Харви.

– Надеюсь, что до свидания. Подумайте, Марти, и звоните. Это бесплатно, оплата только в случае успешного наследства.

– Нет! – сказал я твердо.

– Вы поступаете очень правильно, и вы весьма неглупы, – улыбнулся Харви и снова выпустил облако тошнотворной корицы. – Именно так вы и должны были ответить мне при личной встрече в таком публичном месте. Вы мне правда очень, очень понравились, Марти! – широко улыбнулся он. – Если бы я был геем, я бы в вас влюбился!

Я молча развернулся и пошел искать дорогу в паб, где ждала Синтия. Искал, видимо, дольше, чем он, – велосипеда у входа уже не было.

– Этот твой врач! Это не врач, это... – зашипел я на нее с порога.

– Я знаю. – Синтия улыбнулась и мягко взяла меня за рукав. – Обсудим все дома.

* * *

За пять лет дом не изменился, только побольше стало плюща. Обычный тесный двухэтажный домик, сплюснутый такими же компактными соседями на тихой улочке в пригороде Лондона. Дядя мог себе позволить куда более просторный дворец в самом Сохо, но почему-то предпочитал жить здесь.

По сердцу снова пробежал холодок, и в тысячный раз кто-то внутри спросил, правильно ли я делаю. И в тысячный раз я ответил себе, что не делаю ничего. Решать буду не я.

Подойдя к дубовой двери, я погремел бронзовым кольцом.

– Входи, Марти, не заперто! – рявкнул мне в ухо дребезжащий дядин голос из коробки домофона.

Домофона раньше не было – дядя ненавидел технику. Видимо, в какой-то момент сдался и перестроился. Я вошел в дом.

Здесь, как и прежде, пахло трубочным табаком и деревом, старой мебелью и старой бумагой – как в библиотеке. И тоже ничего не изменилось: маленькая гостиная, кухня, багровый письменный стол, заваленный стопками документов – ноутбуков дядя по-прежнему не признавал. Или не бросал на столике в гостиной? Узкая лестница, в детстве я любил кататься по ее перилам. Старик до сих пор жил в спальне на втором этаже – и не лень ему в таком возрасте ползать по крутой лестнице.

– Марти! – донесся пронзительный голос. – Захвати мою трубку!

Я нашел у камина дядину трубку и прошел сквозь дом во внутренний дворик. Дядя сидел в шезлонге, укрыв ноги пледом, и читал книгу. Рядом стояла его трость, а на земле лежали садовые ножницы. Дворик был аккуратно подстрижен.

– Рад, что решил навестить меня, – проскрипел дядя, не поднимая глаз от книги, и перелистнул страницу. – Я действительно рад тебя видеть. Но ровно до того момента, когда ты откроешь рот и попросишь денег.

Рот пришлось закрыть. Я подвинул стул и присел рядом.

– Здравствуй, дядя Джо. Как твои дела, как ты себя чувствуешь?

– В моем возрасте, Марти, о самочувствии следует беседовать только с врачом и священником. Для всех прочих у меня все в порядке – у вас хватает собственных проблем. О них и расскажи.

Я вздохнул.

– У меня нет особых новостей. Я нигде не учусь, у меня нет работы, но мы все еще с Синтией.

– Хищная ворона вцепилась в тебя клещом.

– Она любит меня.

– Врешь, Марти, тебя никто не любит. Даже ты сам. Тебя не за что любить, ты ничего для этого не сделал.

Я вздохнул.

– И как я жил эти пять лет без твоих оскорблений, дядя Джо?

– Но ты за ними приехал. Или у тебя завелся другой человек, который скажет правду?

Я глянул ему в глаза, но словно обжегся – в дядиных глазах всегда плясал дьявольский огонь.

– Да, дядя, – сказал я кротко, – такой человек завелся. Это большой и очень неприятный китаец. Он ганстер, мафиози. На прошлой неделе он с подручными затолкал меня в машину, отвез на берег Темзы и макал головой в воду. Клялся, что убьет меня, если я не верну долги.

Я искоса глянул на дядю, но мои слова не произвели эффекта – дядя безмятежно читал книгу.

– Дядя Джо, ты не услышал важную новость, которой я с тобой поделился.

– Услышал, – задумчиво кивнул дядя, перелистывая страницу.

– Что же ты услышал?

– Сяолун требует вернуть деньги.

Я невольно подпрыгнул.

– Я не говорил этого! Откуда ты знаешь, что его зовут Сяолун?!!

Дядя посмотрел на меня поверх очков.

– Тебе не следовало брать деньги у Сяолуна.

– Да, но он сам...

– Марти, еще раз: тебе не следовало брать деньги у Сяолуна.

– А у кого мне их брать следовало?

– В твоём возрасте – уже ни у кого. Только в банке под толковый бизнес-план. Я тебя предупреждал.

Мы помолчали.

– Что ты намерен делать дальше? – спокойно продолжал дядя. – Как будешь рассчитываться с Сяолуном?

– Дядя, ты не представляешь, сколько я ему должен!

– Миллион четыреста тридцать фунтов.

– Да откуда ты все знаешь?! – Я снова подпрыгнул, и тут до меня дошло: – Он приходил к тебе требовать мой долг?! И что ты ему ответил?

– Я ответил, что ты заработаешь и отдашь.

– Я заработаю?! Но как? Где?!

– Теперь ты на верном пути, Марти. Хорошие вопросы начал задавать себе.

– Но он убьёт меня! Как ты себя будешь чувствовать, когда коп из полиции пригласит тебя на опознание трупа?

– Я буду очень расстроен. Мне будет тяжело, – согласился дядя. – Постарайся меня не расстроить, Марти, я очень немолод.

Он взял трубку, деловито набил её табаком, а затем снова углубился в книжку, выпуская кольца дыма.

– Правильно ли я понял, – уточнил я ещё раз для очистки совести, – что, когда моя жизнь висит на волоске, ты мне отказываешь в помощи?

– Я много раз пытался тебе помочь, Марти, – ответил дядя. – Но деньги тебе не помогут – ты не умеешь с ними работать.

– Но меня убьют!

– Ты уже большой мальчик? Большому мальчику – большие проблемы. – Дядя Джо снова углубился в книгу.

Ответ на свой вопрос я получил, выбор был сделан.

– Я бы попил ч... – Я запнулся. – Я бы попил чаю...

– Да, – кивнул дядя Джо, не поднимая глаз от книги. – И мне сделай.

Я ушел в дом на кухню, закрыл за собой дверь и вскоре вернулся с двумя дымящимися чашками. Ту, что с фарфоровой ложечкой, я поставил перед дядей на плетеный столик. А ту, что с металлической, взял себе.

Не отрываясь от книги, дядя помешал фарфоровой ложечкой в чашке.

– Сахар, надеюсь, не клал? – спросил он брюзгливо.

– Все как ты любишь, – ответил я, чувствуя, как мой голос звучит глухо и надтреснуто.

Дядя взял чашку, поднес к губам, подул и снова поставил на столик. Меня обдало жаром – на миг подумалось, что у дяди могли везде стоять камеры наблюдения. Но я вспомнил, как он ненавидит любую технику, и успокоился.

Дядя отложил книгу, медленно откинул плед, опустил ноги на землю, закусил губу и с трудом сел. Немного отдышался, нащупал трость, сделал еще один рывок и поднялся на ноги. Он стоял передо мной, опираясь на трость рукой, а в другой держа трубку: маленький, ссохшийся, скособоченный, но такой же самовлюбленный, гремячий и опасный.

– В старости, Марти, с каждым днем труднее подниматься. А каждый день пролетает быстрее предыдущего. Если однажды ты не заставишь себя встать – больше не встанешь.

– Это все твоя спина после Кореи? – спросил я, просто чтобы что-то спросить.

– Да, – ответил дядя Джо. – Не только спина. Тело в старости – это как дом, который гниет. Сегодня крыша начала течь, завтра камин засорился, потом перестало закрываться окно, а кран горячей воды в ванной хрустнул и рассыпался у тебя в руке... А потом ты оглядываешься назад и понимаешь, что все твое свободное время уже давно уходит только на этот бесконечный ремонт. И чем больше ты шаркаешь по дому с полотенцем и прислушиваешься, где снова капает с крыши, тем больше все рушится. Это отвратительно, Марти. Я не могу тебе такого пожелать. Но и не пожелать такого я тоже тебе не могу – в каждом возрасте свои плюсы и радости, и ты должен пройти этот путь до конца.

– Ты устал жить, дядя Джо? – спросил я, стараясь не глядеть на него.

– Тело устало, – ответил он. – Но я не тело. Я тот, кто командует телом. А командир не может устать командовать – у него нет такой опции. У него только долг и ответственность. Очень жаль, Марти, что мы с тобой говорим на разных языках... Посмотри на себя – ты заплыл жиром. А я до сих пор начинаю утро с гимнастики. Мои упражнения теперь совсем просты, а из тренажеров лишь эта трость. Но иначе я не смогу себя уважать. А ты, Марти, – перекормленная тряпка, как все ваше поколение. Жевать еду и глотать развлечения с экранов – это все, чему вы научились. Вы настолько привыкли жрать, что даже не замечаете, какой низкосортной дрянью вас стали кормить!

Он взял чашку, поднес к губам и сделал маленький глоток.

– Даже чай теперь не тот, – сказал дядя с отвращением и вернул чашку на блюдце, – горчит и пахнет йодом и порохом. Это не тот бергамот, который был в моей молодости. Но другого вы не заслужили...

И тут меня почему-то взяла злость.

– Не заслужили? И что же мы такого тебе сделали, что ничего не заслужили?!

– Вы просто мало делали.

– Этими словами ты, дядя Джо, моего отца угробил с матерью! Если бы ты не был таким жестоким подлецом, они были бы сейчас живы!

Дядя изменился в лице, и я увидел, как его пальцы стали такого же цвета, как и слоновая кость набалдашника трости, которую он сжимал.

– Угробил? – прошипел он. – Да как ты смеешь такое говорить? Я вырастил твоего отца после смерти Анри! Я дал ему лучшее образование! Я дал ему самую ответственную работу! Я дал работу твоей матери! Я...

– Ты не отдал ему половину, принадлежавшую Анри! Ты захапал компанию себе!

– Да что ты несешь, Марти?! – взревел дядя. – Компания – это ежедневный труд! А не сундук золота, который мы нашли с твоим дедом, чтобы теперь его можно было открыть и поделить на две кучи! Дом развалится, если от него отпилить половину!

Вдруг раздался требовательный звон, дядя Джо вынул мобильник и прижал к уху.

– Слушаю... – сказал он и действительно слушал некоторое время. – Нет. Значит, пусть шлют самолетами, мои цеха не будут ждать. Что? Нет, Фридрих. Люкс-серии мы не будем строить из дерьма. Мы делали из аргентинской лиственницы и будем делать! Если Гонзалес срывает поставку, я сдеру с него по суду все убытки и найду другого Гонзалеса. Что? – Некоторое время он брезгливо слушал. – Фридрих, я еще вчера сказал: нет. Через час буду в офисе, вызывай в «Фейсбук» Гонзалеса, и я ему объясню, кто он. – Дядя зло нажал отбой и

тут же сам сделал звонок: – Вацек, через двадцать минут едем в офис, подъезжай, из машины не выходи, я сам спущусь. Что?! Меня не волнует, где ты. Я сейчас вызову такси для подстраховки, и если ты успеешь – заплатишь пятьдесят фунтов таксисту, а если не успеешь – мне больше не нужен шофер, которого нет через двадцать минут.

Дядя Джо с отвращением нажал отбой, молча вызвал такси через какое-то приложение и только после этого снова посмотрел на меня.

– Каждая сволочь, – объяснил он, – норовит перестать работать, как только ты отвернешься! Если ты взялся за что-то, если сам вызвался – то будь мужчиной, доведи до конца, нравится тебе это или нет!

Он с отвращением схватил чашку, решительно выплеснул в рот все до капли и со звоном опустил на блюдце.

– Меня ждут дела, Марти, – сухо произнес Джозеф. – Подумай обо всем, что я тебе сегодня сказал. И приезжай через неделю. Мы не договорили. А нам надо поговорить. Я тебя жду.

* * *

В тот день я снова позвонил консультанту, чьи контакты мне передал Харви. Анонимное приложение, которое он мне для этой цели посоветовал, неузнаваемо меняло не только голос, но и лицо собеседника – в тот день я беседовал с афроамериканцем, чье лицо напоминало какого-то актера, но было слишком гладким и правильным, как бывает только в мультфильме. Чистый белый фон подчеркивал мультяшность происходящего. Впрочем, интонации и мимику лица анонимный чат воспроизводил полностью. И конечно, у меня не было сомнений, с кем я говорю. Смысл в этой клоунаде был, видимо, чисто юридический – попробуй я записать наш разговор, в суде никто бы не смог доказать, что это был Харви.

– Как ваш дядя? – жизнерадостно спросил чернокожий парень, показав такие белые зубы, что казалось, будто у него во рту дыра, в которую просвечивает белый фон.

– Он бодр, полон желчи и понесся в офис кого-то карать.

– Хорошо, – кивнул чернокожий собеседник. – К концу недели у него испортится настроение и закончатся силы на желчь. А к концу второй недели включится немного сил, и он примет важное решение.

– Мне не верится в это, – сказал я.

– Когда меня положили на операционный стол, чтобы удалить аппендикс, – жизнерадостно произнес афроамериканец, выпуская клубы дыма изо рта, – я был абсолютно уверен, что наркоз на меня не подействует. Так и сказал хирургу. Правда, мне было всего шесть, но этот урок я помню до сих пор. – Он снова поднес ко рту ладонь и выпустил клубы дыма – совсем как дядя. – Просто не думайте ни о чем. Станьте близким и заботливым человеком, которому можно доверить наследство. Это недолго: конец второй недели – начало третьей.

* * *

Ровно через неделю я набрал дядин номер, но аппарат абонента был не в сети. Я позвонил снова, ответа не было. Тогда я поехал к нему без звонка – он же сам мне велел.

Дядя лежал на спине в своей постели на втором этаже и смотрел в потолок не мигая. Его лицо выглядело белым и осунувшимся, дряблые щеки словно сползли вниз к ушам и там собрались в неопрятные складки.

– Дядя Джо? – спросил я, аккуратно постучавшись в крашеный косяк двери.

Он перевел на меня взгляд, полный невыразимой печали, вздохнул и снова уставился в потолок.

– Я звонил тебе, дядя Джо, но ты не брал трубку...

– Марти... – медленно просипел Джо одними губами. – Мне так тошно... Телефон валяется внизу, принеси его, у меня нет сил...

Я спустился вниз и принес ему телефон – он был разряжен.

– Набей табака в трубку, Марти... – попросил Джо.

Я набил трубку, зажег и поднес к его рту. Дядя Джо затаился и закашлялся.

– Все бесполезно, Марти... – сказал он. – Все будет только хуже... Я слишком стар, Марти... этот мир проклят и безнадежен, я устал его держать, чтоб он не разваливался... сил больше нет ни на что... – последнее он произнес одними губами.

– Мне уйти, дядя Джо? – спросил я.

– Да... – выдохнул он и отрешенно закрыл глаза.

Я на цыпочках пошел прочь из комнаты, но дядя Джо вдруг открыл глаза снова.

– Помоги дойти до туалета... – прошептал он скрипуче. – Хоть такая от тебя будет польза.

Я помог старику подняться: сгорбленный, в белом халате, опираясь на трость дрожащей рукой, он выглядел привидением. Я поддерживал его за плечи, пока он, медленно шаркая, прошел до санузла и заперся внутри.

– Марти... – прокряхтел он из-за двери. – Ты здесь?

– Я здесь, дядя Джо.

– Марти, если бы ты знал, какая это безнадежная чернота... Тут сгнило все... Этот мир, эти новости, кусты во дворе... Зачем я прожил свою никчемную жизнь? Почему я не погиб тогда, в восемь лет, при бомбежке Манчестера? Вместе с мамой и сестрой Элизой...

Я сглотнул и прижал ладони к крашеной двери санузла, словно пытаюсь его успокоить.

– Но, дядя Джо, ты прожил прекрасную жизнь! – сказал я. – Ты вырос, ты помог вырасти Анри...

– Его бы все равно взяли в тот же самый приют...

– Но без тебя! Дедушка рассказывал, ты специально ушел в дивизион воевать в Корею, чтобы заработать денег ему на колледж!

– Корея... – просипел дядя Джо. – Чудовищная мерзость, какой стыд... Я был снайпером, Марти... Я убивал людей... и учил людей убивать людей... Я убийца, я чудовище, Марти...

– Ты был солдатом и выполнял приказ!

– Я ничего не сделал полезного в жизни, я ничтожество...

За дверью полилась вода рукомойника, но казалось, что это слезы. Даже мне было невыносимо – через дверь на меня плыла безнадежная тоска дяди Джо.

– Не смей так говорить про моего дядю! – закричал я искренне. – Вы с Анри добились всего, вы построили с нуля богатейший мебельный бизнес! У вас заводы, магазины, вы даете работу двадцати тысячам людей...

– Тридцати тысячам... – проскрипел дядя Джо. – Я ничего им не дал... Я не могу им ничего дать, кроме зарплаты, комбинезона и электрической отвертки для сборки шкафа... Если бы я мог им передать свою память, свои правила, свои принципы... Но я никому не нужен, и у меня никого нет...

– У тебя есть я, дядя Джо! – сказал я и сам испугался, насколько искренне сейчас в это поверил.

– Я даже тебе не могу ничего дать, Марти... – ответил дядя Джо, плеснул водой и закрутил оба крана. – Ты, Марти, такая жирная... такая распушенная и бесхребетная свинья... Я потерял тебя, Марти, давно... Я не смог ничего тебе дать, прости меня...

Он снова включил воду и заплакал – здесь, за дверью, это было слышно отчетливо. Хотя, наверно, он думал, что клекот воды все заглушит. Наконец он снова выключил воду, долго шуршал полотенцем, а потом вышел.

И это снова был дядя Джо, а не привидение – бесконечно уставший, бесконечно одинокий и безнадежно расстроенный, но все еще жесткий.

– Свари мне кофе, Марти, – сказал он.

– Но доктора запретили... – начал я.

– И позвони Вацеку, чтоб приехал, – продолжал дядя. – Я должен ехать... я должен... я... – Он вдруг пошатнулся и схватился обеими руками за дверь. Я неуклюже подхватил его.

– Нет сил... – прошептал дядя Джо. – Нет смысла... Оставь меня и уходи, Марти. Уходи и никогда не возвращайся... Ты убил меня своими словами... Ты считаешь, что я виновен в смерти твоего отца... Какая ты подлая сволочь, Марти!

Он вырвался, доковылял до постели и со стоном опустился на подушку. Я помог ему укрыться одеялом.

– Ты правда считаешь, что это я вышвырнул машину твоих родителей на встречу через отбойник?

– Нет, дядя Джо. Но если бы ты их так не изматывал, аварии бы не было. Ты заставлял их работать с утра до ночи, я не видел их все детство... Они боялись тебя, дядя Джо, боялись тебе возразить.

– Они были управляющими, Марти! Главными управляющими! Они ездили с инспекцией по фабрикам и решали вопросы... Как я... Как мы с Анри...

Он тяжело вздохнул и снова уставился в потолок.

– Я устал от вас всех, – сказал он одними губами и судорожно схватился рукой за грудь. – Вы прокляты. Я проклят. Мы все прокляты. Уходи, Марти, у меня нет на тебя сил, мне тошно тебя видеть.

– Я приду через неделю, дядя Джо, – кротко сказал я.

– Не приходи никогда. Мне от тебя все хуже и хуже.

Я поплелся к двери, но напоследок обернулся.

– Может, вызвать врача? – спросил я с надеждой.

Дядя Джо не ответил – он обессиленно лежал лицом вверх и смотрел в потолок, его щеки снова опустились серыми складками к ушам. По ним текли слезы.

* * *

Три долгих дня я не мог решиться. Но потом понял, что скоро наступит этот рубеж – конец второй недели. И тогда я все для себя решил и позвонил консультанту. На этот раз случайный аватар оказался покемоном. Интересно, в каком облике видел меня он?

– Я много думал, – сказал я. – Мы все отменяем. Я не могу больше! Я не такой.

Покемон задумчиво посмотрел на меня, вставил в рот палец и выпустил клуб дыма.

– Что случилось? – пропищал он мультяшным голоском. – Дядя дал денег?

– Нет! Мы просто должны отменить препарат, – повторил я твердо. – Это не обсуждается!

Покемон склонил голову набок.

– Препарата давно нет, – пискнул он. – Он распался, рассыпался на молекулы, впитался в жировые складки брюшины, сцепился с другими молекулами, выжег в мозгу синапсы в нужных тканях... Работа завершена, процессы запущены, ситуация необратима.

– Нет! – закричал я. – Так нельзя! Дядя невероятно страдает!

Покемон скривился.

– Это он вам так сказал? Ему просто кажется. Вокруг нас каждый день ходят депрессивные люди и постоянно рассказывают, как они несчастны. Они самые несчастные люди в мире – у них несчастная любовь, несложившаяся жизнь и вообще все плохо. А вы на них смотрите и думаете: как же ты достал, мне бы твои проблемы! Просто забудь этого козла, страдающая дура, и найди себе другого... Малыш на Пиккадилли рыдает, мама не купила мороженое – он чувствует себя самым несчастным в мире. Вы броситесь его утешать, покупать мороженое? Нет, вы пройдете мимо и даже подмигнете его маме. Потому что нас мало волнует, что люди чувствуют внутри. Нас волнует, как у них дела в реальности. А в реальности дела плохи у вас. Это вы должны серьезных денег серьезным людям, это вас грозятся убить. А у дяди вашего, наоборот, все хорошо. Он богат, удивительно крепок для своего возраста, и ему совершенно никто не угрожает, кроме него самого.

– Но...

– Подождите, я не закончил. Вашему дяде осталось безучастно страдать совсем недолго, вот-вот включится вторая фаза – к нему вернется немного психической энергии, наложится на депрессию, и он примет единственно верное решение. Сам, без чьей-либо подсказки. На что он вам жаловался? На бессмысленность жизни? Все бесит? Одиночество?

– Да.

– Но это же чушь! – Покемон снова затянулся дымом. – Смысла в его жизни не меньше, чем у меня или у вас. Бесит – понятие вымышленное, нет бесов, которые бесят. И он не одинок – у него есть как минимум вы...

Я набрал воздуха и выпалил:

– Харви, это все красивые слова, я тоже немного учился в колледже и тоже слушал курс философии: можно и так повернуть, и наоборот, и всегда звучит красиво. Но я звоню вам потому, что принял решение это остановить.

– Во-первых, я не Харви, а Пикачу, – напомнил покемон. – Во-вторых, остановить это невозможно.

– Выписывайте противодействие! Антидепрессанты!

– Такой схемы не существует, – ответил покемон. – Это не так работает, как вы думаете. Нельзя на всей скорости выжать тормоз, когда нажат до упора газ, и надеяться, что машина плавно остановится. Она не остановится, она уже обречена. Она сорвет и газ, и тормоз и полетит кувырком, да еще покалечит всех окружающих – и вас в первую очередь. Я понятно объясняю?

Я стиснул зубы.

– Харви, а кто говорил, что любит интересные задачи и верит, что антидепрессанты способны решить любую проблему? Это проблема, которую вам надо срочно решить!

– А иначе – что? – с вызовом спросил Пикачу.

– Мне терять нечего, – напомнил я. – Меня скоро убьют. А вот вы со своими препаратами рискуете познакомиться не только со Скотленд-Ярдом, но и с МИ-5!

– Это будет для меня дауншифтинг: ведь я работаю на МИ-6.

– Значит, вы там больше не работаете! Я подключу полицию и журналистов, если вы не спасете дядю, я вам устрою такую утечку...

– Вы меня решили напугать... – Покемон задумчиво выпустил изо рта кольцо дыма.

На миг приложение дало сбой в мимике: рот Пикачу уплыл вверх вместе с кольцом, глаз вдруг рухнул на место рта, и сложившееся чудовище оказалось таким омерзительным, что я похолодел. Но через миг картинка покрылась квадратами и щелчком вернулась в норму: передо мной снова был Пикачу.

– Я попробую объяснить, Марти, – назвал он меня по имени своим мультяшным голоском. – Вы, наверно, не в курсе, что такое МИ-6. Почитайте в Википедии. МИ-6 – это не мебельная фабрика, оттуда не увольняют. Особенно учитывая ту пикантную область моей

профессии, в которую черт меня дернул по дружбе вас посвятить в тот солнечный кембриджский денек под действием новенького, не обкатанного релаксанта... Вы, наверно, не до конца понимаете, какими исследованиями я занимаюсь? Может, вы думаете, что моя работа – обижать чьих-то пожилых дядюшек? Поверьте, то, с чем вы столкнулись, совершенно бесплатно – это мое доброе отношение к Синтии и вечная нехватка статистики. А работаю я для интересов страны. Поэтому я при любом раскладе уцелею – я нужен МИ-6 даже больше, чем их киберотдел, и заменить меня пока некем. Но цена этой утечки для МИ-6 будет так высока, что все остальное окажется выжжено напалмом в большом радиусе. Вы поставили крест на себе? Ваше дело, Марти. Вас не волнует, что по самым разным бытовым причинам за пару дней уйдут из жизни все те полицейские и журналисты, которых вы задумали так подло схлестнуть с геополитическими интересами родного королевства? О#кей, они тоже на вашей совести. Может, вы думаете, что спасете дядю, подняв шум? Вы же не идиот, Марти. Никто не сохранит живой экспонат для независимых анализов и свободных репортеров. Даже трупа не останется для исследований. И наконец, Синтия. Вы ее любите, Марти? Хотите, чтобы утром ее нашли в ванной комнате с остановившимся сердцем?

Я молчал, потому что вдруг понял, как он прав. И только нежелание скандала не даст этому парню сделать звонок, чтобы с остановившимся сердцем к утру нашли меня... Или он обязан это сделать по инструкции?

– Харви, – перебил я, – перестаньте меня запугивать. Я принял решение – я хочу спасти дядю Джо. И я сделаю это.

– Вы не сделаете этого, – спокойно сказал покемон.

– Посмотрим, – ответил я. – Или я не Мартин Логан!

– Вы не Логан, – нагло ответил покемон и отключился.

Вскоре мне стала названивать Синтия, но я не отвечал на звонки – просто выключил телефон.

* * *

Заснуть я не мог – ворочался, и мне все время чудился на лестнице за дверью шорох. Мне и раньше представлялась картина, как ночью в эту дверь врываются люди Сяолуна, надевают мне на голову черный мешок, как в кино, и волокут по лестнице. Сейчас мне представлялись невзрачные штатские с белыми глазами убийц – как из фильмов про Джеймса Бонда. Этот бесконечный калейдоскоп заставлял меня дрожать, я чувствовал, что простыня холодная от пота. Под утро мне все-таки удалось уснуть. По крайней мере перед глазами поплыли сумбурные образы: Пикачу, потом я в колледже на каком-то экзамене сдаю свой дизайн-макет, потом лодка на канале в Кембридже, заваленная ведрами и рюкзаками, потом Синтия – как в тот день, когда она под села ко мне в пабе... А потом я услышал, как в прихожей щелкнул замок и раздалось пыхтение. Уж точно не Синтия, а больше ни у кого не было ключа от моей квартиры. Я распахнул глаза – вокруг темнота. Может, показалось? Снова послышалось пыхтение, затем чиркнула зажигалка, и я испуганно зажмурился, притворяясь спящим. Сердце колотилось так, что я не мог понять: то ли кто-то ходит по комнате, то ли это грохочет у меня внутри.

– Марти! – требовательно раздалось у меня над головой. – Проснись, Марти!

Я открыл глаза.

Надо мной склонился дядя с горящей зажигалкой, и ее огонь отражался в его зрачках.

– Нам надо поговорить, Марти, – сказал он глухо. – Другого выхода нет. Где у тебя зажигается чертов свет?!

– Откуда у тебя ключ, дядя Джо? – спросил я ошарашенно.

– Ты уже забыл, чья это квартира, – с горечью сказал дядя. – Как же я тебя избаловал. Мальчику тяжело жить в квартире погибших родителей, мальчик хочет жить один, в студии, в центре Сохо, он дизайнер...

Я вскочил, зажег свет и начал торопливо одеваться. Мысли путались. Дядя присел на стул и внимательно смотрел на меня. Сегодня он выглядел гораздо лучше: не было ни складок, ни мешков под глазами, лицо было чисто выбрито, а костюм безупречен, как в прежние времена. Только был он немного бледен, а глаза красные, воспаленные. Одеваться под его пристальным взглядом было очень некомфортно. Дядя шагал по квартире, опираясь на трость, и разглядывал мой бардак.

– А Синтия все-таки с тобой не живет, – сказал он желчно.

– Мы встречаемся... Что-то случилось, дядя Джо?

– Случилось, – ответил он. – Я много думал, Марти, очень много. Тот наш разговор во дворе... Он привел меня в жуткую, беспросветную депрессию – я даже не знал, что такое бывает. Я понимаю, ты не хотел этого, но так вышло. Мне уже не хотелось ничего – ни жить, ни есть, ни даже курить трубку, я лежал много дней, смотрел в потолок и понимал, что жизнь кончена и все бессмысленно. Я это понимаю и сейчас. Скажу честно – больше всего на свете мне сейчас хочется умереть и наконец освободиться от этой черноты. Как долгожданный подарок и освобождение от страданий. Но черт побери, я не могу себе позволить этого подарка, Марти! Я его пока не заслужил, потому что у меня есть незаконченные дела на этой земле. И если бог дал мне напоследок немного сил, то это для того, чтобы я делал то, что должен, а не то, что хочется. А должен я, Марти, – он упер в меня узловатый палец, – сделать из тебя человека.

– Что?! – опешил я.

– Сделать из тебя человека, – повторил дядя Джо. – Потому что это ты, Марти, причина моего страдания. После смерти Мэй я остался совсем один, но я справился. Я с достоинством старел, продолжал вести дела в главном офисе, читал книги, подстригал участок, раз в неделю ходил в оперу... А потом снова появился ты, Марти! И сказал мне такое, от чего я потерял весь свой покой, волю и радость жизни...

– Про родителей?

Дядя Джо брезгливо обнюхал пустую бутылку из-под виски, стоявшую на столе, и принялся распахивать шкафы на кухне один за другим.

– Что ты за гадость пьешь? Где твой бар, Марти?

– У меня нет бара.

– Ты что, алкоголик? Только у алкоголиков дома нет бара – они допивают все, что к ним попадает.

Я открыл рот, но не нашелся, что ответить.

– Я много думал, Марти, – снова повернулся ко мне дядя Джо с горечью. – У меня совершенно безвыходное положение. Ты – мой единственный наследник, у нас с Мэй нет детей. Но я не могу тебе оставить «БАК» – ты бестолковая, бесхребетная свинья. Эта ноша убьет тебя. Ты бизнес разоришь, тысячи людей оставишь без работы, а сам погибнешь – либо от жира и алкоголя, либо тебя придушит какая-нибудь циничная Синтия.

– Не смей так говорить!

– Оставить тебя ни с чем, – продолжал дядя задумчиво, – я тоже не могу: ты сын Питера, ты внук Анри. Ты носишь мою фамилию, черт тебя дери, Марти Логан! Все подсказывает мне, что я должен спуститься в гостиную, отпереть сейф, вынуть винтовку и застрелиться. И оставить тебя решать свои проблемы. Но именно поэтому я не могу этого сделать – нет такой опции. И поэтому я здесь.

– Чего же ты хочешь, дядя Джо? – спросил я.

– Я хочу все оставшееся время, которое мне оставлено Господом, – зло произнес дядя Джо, – потратить на то, что я не успел: сделать из тебя человека. Своими руками! Двадцать четыре часа в сутки! Семь дней в неделю!

– Что это значит?!

– Это значит, что ты не получишь наследства – я все активы завещал в Международный Красный Крест. Чертовы волонтеры едут из благополучной Европы раздавать африканским детям лекарства от малярии – по колено в грязи да под пулями! Это они достойны помощи. А не жадная свинья, которая готова просадить чужой миллион в электронную рулетку! Но тебе, Марти, я оставляю нечто более ценное и важное – свою память, свои принципы и опыт. И этот капитал ты будешь монетизировать всю оставшуюся жизнь.

– Но... – Я не мог подобрать слова. – Дядя Джо, ты представить не можешь, как я рад увидеть тебя живым и бодрым!

Но дядя Джо меня даже не слушал. Он хмуро смотрел на часы:

– Я не бодрый и почти уже не живой. Сейчас пять утра, Марти. Запомни это время: это время, когда ты должен поднять с постели свою эгоистичную задницу и отправить ее на пробежку. – Он властно взмахнул тростью и направился к двери. – Вперед, за мной!

– Ты что же, – пробормотал я, – побежишь? В свои восемьдесят шесть?!

– Легкой трусцой и опираясь на палку, – желчно кивнул дядя. – А на углу, когда у тебя перехватит горло и заколет в твоём жирном боку, я тебя еще и обгоню...

* * *

С этого часа для меня начался ад. Неутомимый дядя всегда был рядом, кажется, он даже не спал. Он двигался медленно, дышал тяжело, кашлял, курил и опирался на трость, но постоянно требовал, требовал, требовал и постоянно читал нотации. Иногда – бил меня тростью.

В пять утра он гнал меня на пробежку. Потом заставлял готовить ему завтрак. Потом засаживал меня за французский и заставлял зубрить. Потом мы обедали, дядя сам выбирал новое кафе, мы шли туда пешком, и это было отдыхом, потому что дядя шел медленно, от меня ничего не требовал, а только говорил.

– Посмотри на людей, Марти! – желчно говорил дядя Джо и взмахивал тростью. – У них не будет ни достижений, ни бизнеса – они не умеют жить. С утра они пьют кофе, чтобы заставить себя собраться и выйти из дома, едут на службу и там протирают штаны, вечером идут в паб и выжигают мозг алкоголем, дома включают дебильный сериал и засыпают. Они не просыпаются никогда! Они живут и надеются, что их повысят, полюбят, оценят... Останови любого, спроси: что ты сделал за последние десять лет? Собирал мебель, получал зарплату, взял в кредит машину, встретил подружку и случайно родил ребенка, выбрался на отдых в Прованс? Что ты запланировал сделать в следующие десять лет? Взять новую машину? Они не хозяева своей жизни, это животные, рабочая сила. Человек, который не умеет составить себе план и заставить себя его выполнить, – это животное. Ваше поколение даже не умеет добиваться женщины – вы как листья осенние, вас сорвало с веток, вы в воздухе покружились, столкнулись случайно, если слиплись – упали вместе, не слиплись – упали по отдельности. Ты слышишь меня, Марти?

– Угу, – кивал я.

После обеда мы до вечера занимались бизнесом – дядя рассказывал мне, как строил «БАК», какие хитроумные ловушки обходил и какие приемы выдумывал. Учил бухгалтерии, учил вести переговоры, объяснял тонкости рекламы. Потом мы ехали в офис – там дядя заставлял меня читать тонны бумаг, искать не сходящиеся балансы и выбирать поставщиков. А я все делал неправильно, и дядю Джо это приводило в отчаяние.

– Ты совершенно необучаемая свинья, Марти, – говорил он. – Питер уверял меня, что у тебя нет способностей бизнесмена, но у тебя вообще нет способностей! Ты говорил, что мечтаешь стать дизайнером мебели, – ладно, я отправил тебя в лучший колледж. Прошло восемь лет, где этот дизайн? Где тот колледж? У тебя за спиной все заводы БАК, ты мог сейчас ходить как породистый йоркшир – покрытый медалями всех мебельных выставок! Значит, ты мне врал, что тебе нравится дизайн?

Вечером мы отправлялись ужинать в бар, шли по улице, и дядя давал мне задания. Он требовал, чтобы я подходил знакомиться с девушками, на которых он укажет, причем иногда указывал на старух. Требовал, чтобы я подходил к чьему-нибудь шумному столику и заявлял, что они слишком громко разговаривают. Однажды потребовал, чтобы я подошел к трем чернокожим парням в татуировках, оживленно жестикулирующим в углу на набережной, и сказал, что им здесь нельзя стоять... Я был уверен, что меня побьют, но парни почему-то извинились и ушли. Били меня в другой раз – я получил в пах коленом, а в глаза из баллончика от истерички, к которой дядя велел мне подойти и шепнуть на ухо, что она так красива, что я не прочь заняться с ней сексом...

Потом мы ковыляли домой, и дядя снова читал нотации, пытаясь мне вбить в голову свои истины:

– Ты человек ровно настолько, насколько сумел себя заставить быть человеком.

– Угу, – говорил я отрешенно.

– Когда я называю тебя жирной свиньей, – объяснял дядя, – я говорю не про тебя, а про твоё тело, твою голову и мозг. Ты должен стать хозяином, научиться его подчинять себе. Себе, Марти!

– Угу...

– Каждый раз, когда твоя свинья что-то просит, ты должен ей отказать, Марти! Сколько раз ты отказал ей – столько раз ты человек. Ты должен научиться получать удовольствие именно от этого отказа, Марти! Понимаешь меня?

– Угу.

– Ты должен научиться выживать среди стада, в которое превратилось ваше поколение. Мне было проще, Марти, – у меня не было выхода. Погибли мать и сестра Луиза, мне было восемь, у меня на руках был двухлетний брат, нас устроили в приют... Ты знаешь, что такое приют военных лет? Это было очень дрянное детство, Марти. Это не планшеты и не конфеты. Мы были никто и ничьи в разрушенной войной стране. Я пошел в армию, чтобы Анри смог получить образование, – Анри был мой капитал, я в него вкладывался. А когда Анри получил степень по экономике, он стал мозгом, а я стал его руками. Мы не спали, мы не ели, мы работали, Марти! С пяти утра и до полуночи! Знаешь, сколько мебели я собрал вот этими руками за первые двенадцать лет, пока мы не встали на ноги? Знаешь, сколько раз мы ошибались, сколько раз падали и начинали почти с нуля, сколько оскорблений я слышал, сколько встречал циничных и лживых людей, набивавшихся в партнеры?

– Угу...

– Но каждый раз я заставлял себя делать то, чего не желала свинья внутри... Ты думаешь, я жестокий, я требовательный?

– Угу...

– Нет, Марти, это – жалкие крохи той жестокости, которую я ежедневно предъявляю к себе. А иначе я бы уже давно умер.

Он остановился на мосту и принялся раскуривать свою трубку.

– Угу, – сказал я невпопад.

– Я знаю, Марти, – дядя Джо затянулся, – знаю, как я тебе надоел. Я отстану от тебя в двух случаях. Либо когда умру, либо когда увижу, что ты сам хозяин своей свинье, а не плывешь по течению в облаке дерьма и мусора! – Он выпустил изо рта дым.

– Дядя Джо, – не выдержал я. – А курить ты не пробовал бросить?
На его лице появилось задумчивое выражение.
– Пробовал, – кивнул дядя Джо, – но у меня не получилось. Я ведь тоже не ангел.
– Ну, вот видишь! – оживился я, но дядя Джо поднял руку.
– Это лишь значит, что я плохо пробовал или мне было не нужно. Ты хочешь от меня чуда? Тебе показать, как бросают курить?
– Ну... – замялся я.
– Вот так бросают курить, – сказал дядя Джо и кинул с моста свою трубку, а следом полетели зажигалка и табакерка.
Больше дядя Джо не курил.

* * *

Я давно потерял счет дням. Мобильник дядя Джо у меня отобрал. Синтия пыталась звонить, но с ней поговорил он: сказал, что Марти очень занят своим дядей и его надо оставить на время.

* * *

В один из дней мы возвращались домой через мост Миллениум, как вдруг дядя Джо остановился, вцепился в перила, а затем схватился рукой за сердце.
– Дядя Джо! – закричал я. – Дядя Джо, тебе плохо?
Со всех сторон к нам бросились туристы и прохожие. Но дядя Джо помотал головой и вдруг улыбнулся.
– Отпустило! – сказал он счастливо, и прохожие потеряли к нему интерес.
– Сердце? – взволновался я.
– Нет, – дядя Джо потряс головой, – душу отпустило. Посмотри, Марти, какая красота! В какой красивый мир мы попали! – Он поднял трость и указал вдаль, на огни Тауэра, глаза его светились. – Какая красивая Темза!
– Я не люблю Темзу, меня в нее Сяолун головой макал и, наверно, скоро утопит.
– Не утопит, – беспечно откликнулся дядя. – В этом нет смысла – трупы долги не отдают. Сяолун хочет, чтобы ты хорошо работал, хорошо жил и отдавал долг.
– Это он тебе так сказал? – удивился я.
– Это я ему так сказал, – ответил дядя Джо. – Так что расслабься. Ты умеешь радоваться жизни, Марти?
– Не знаю... – растерялся я.
Дядя Джо обнял меня за плечо.
– А ты должен уметь и это, Марти! Ты должен уметь не только приказывать своей свинье, но и выгуливать ее, давать ей резвиться. Ты должен чувствовать красоту, музыку, еду, красивых женщин! И каждый раз ты должен говорить себе: какое счастье, какая красота! Ты понимаешь меня?
– Угу.
Дядя опустил взгляд и стал смотреть вниз, на блики Темзы.
– Здесь очень хороший мир, Марти, – сказал он тихо. – Как мне жаль его покидать. Почти нет войн, везде достаток, всюду эти ваши новые технологии, все, что нам давалось кровью, вы получаете прежде, чем успеете пожелать... Если б только я мог стать опять молодым, Марти! Я бы работал как бык дни и ночи, я бы открывал эти ваши стартапы, как консервные банки. Я бы гонял на велосипеде, путешествовал, искал и добивался свою Мэй... Ох, Мэй...

Он замолчал, улыбнулся и уставился вдаль.

Я стоял рядом, смотрел на огни Тауэра, на огненные блики и все пытался понять, что за необыкновенную красоту увидел дядя Джо. И мне показалось, что я тоже вдруг ее увидел – словно мне передалась наконец его энергия, которую он так долго пытался в меня впихнуть. Мы были на одной волне. И кажется, он тоже меня чувствовал.

– А ведь знаешь, Марти, – сказал дядя Джо, – я был уверен, что навсегда потерял это счастье жить, и мне остался только долг... Но нет, я снова чувствую! – Он обвел тростью все вокруг и улыбнулся совершенно счастливой улыбкой.

– Какое сегодня число, дядя Джо? – вдруг спросил я.

– Пятнадцатое мая, – ответил он без паузы.

Меня окатило холодом.

– Пятнадцатое мая? То есть ты со мной возишься уже месяц?!

– Да, – просто ответил дядя Джо. – И оно того стоило. Да, Марти?

Я молчал потрясенно.

Дядя Джо полез в карман плаща и протянул мне мой телефон. Потом отсчитал из бумажника стопку денег и тоже вручил мне.

– Что это значит, дядя Джо?

– Ты свободен, Марти. Я сделал для тебя все, что мог. Дальше – сам. А я устал. Я поеду домой.

Он развернулся и пошел по мосту, не оборачиваясь. А я смотрел ему вслед, пока он не скрылся в толпе.

* * *

Я включил мобильник, и мне тут же позвонила Синтия. Она была очень взволнована и раздражена.

– Что происходит? – кричала она. – Где ты был все это время?

– Учился, – сказал я. – Ты в центре? Давай встретимся через час в нашем пабе.

Я купил букет желтых роз, пришел в паб и вручил цветы Синтии. Она была очень удивлена – я ей не дарил цветов давным-давно.

– Желтые розы? – спросила она.

– Викторианский язык цветов, – объяснил я.

– Не знаю такого языка.

– Я тоже на это надеюсь.

– Да ты ли это вообще? – спросила она, оглядывая меня. – Что с тобой стало? Ты же стал худой, ты же... А что с дядей? – спросила она быстро. – Он оставил тебе наследство?

– Нет. Он перевел все активы в Красный Крест.

– Да ты смеешься?! – рассердилась Синтия.

– Я абсолютно серьезен.

Синтия обиженно поджала губы.

– Нет, так не годится, Марти, – сказала она. – Ты должен уговорить дядю оставить наследство тебе! Слышишь? Тебе! Если ты этого не сделаешь, то я не знаю... я уйду от тебя!

– Вот прямо уйдешь? – улыбнулся я.

– Я не могу жить с таким бесхребетным человеком! Мы с тобой столько лет ждали этого наследства!

– Мы? – уточнил я.

– Да, мы! – капризно повторила Синтия. – Мы не чужие люди, Марти!

– Конечно, – кивнул я, – у тебя ведь есть даже ключ от моей квартиры. Ты его не потеряла, надеюсь?

– Нет, вот он...

Я аккуратно взял у нее из рук ключ и поцеловал в щеку.

– Спасибо тебе, Синтия, – сказал я. – У нас было много хороших моментов, которые я запомню навсегда. Но наши пути разошлись, и больше мы не увидимся.

– Как это? – опешила Синтия. – Что это значит? Ты не можешь так поступить со мной!

– Именно так я и должен поступить с женщиной, которая так ждала наследства моего дяди. К тому же я уезжаю в далекую страну, а ты со мной не поедешь. Прощай.

Я поднялся и вышел из паба. На душе было тепло и спокойно.

Добравшись до дома, я выключил телефон и рухнул спать. И привычно проснулся ровно в пять. Но я не успел даже выйти на пробежку, как услышал, что кто-то шуршит у двери снаружи.

Я тихо прошел на кухню и взял два ножа – один в руку, другой заткнул сзади за пояс. Встал сбоку от двери и крикнул: «Входите, не заперто!»

Дверь раскрылась, и вошел незнакомый дядька, которого я со спины не узнал. Но даже если он был от Сяолуна, он был полный, неуклюжий и всего лишь один. Так что с двумя ножами я погорячился – пришлось спрятать за спину и второй.

– Марти, это вы? – спросил дядька взволнованно, с легким польским акцентом. – Я Вацек, шофер дяди Джозефа! У него инфаркт, он в больнице и просит приехать!

* * *

Когда я подошел к дядиной палате, оттуда вдруг вышел Сяолун. Большой толстый китаец в белом халате казался здесь хирургом, а не гангстером. Увидев меня, он тоже опешил. А затем развел руками, словно извиняясь, и бочком-бочком проскочил мимо.

Палата дяди оказалась такой же маленькой, как и его спальня. И лежал он в той же позе на спине, с уплывшими к ушам щеками и заострившимся лицом. Рядом светились медицинские приборы и поблескивали шнуры капельниц.

– Дядя Джо, ты слышишь меня? – спросил я.

– Заходи, Марти, – раздался скрипучий голос. – Прости, что вырвал тебя, хотел попрощаться на всякий случай.

– Что с тобой, дядя? Что говорят врачи?

– Инфаркт. Переутомился я с тобой, Марти.

– Да я вообще не понимаю, как ты все это вытерпел...

– Но я не жалею, – заскрипел Джо. – Это было отличное время, Марти.

– Да, – сказал я искренне. – До сих пор не могу осмыслить.

– Я тебя позвал, чтобы сказать: прости меня, Марти. Я много сделал неправильного и виноват перед тобой.

– Ты передо мной виноват?! – изумился я. – В чем же, господи?!

– Во многом, Марти. Я действительно слишком нагружал твоего отца. Я правда завещал все состояние Красному Кресту и не изменю своего решения.

– Я поддерживаю это, – сказал я. – Я, дядя Джо, еще и присмотрю за ним, за твоим состоянием, правильно ли его используют.

– Как это? – не понял дядя Джо.

– Я решил уехать волонтером в Африку. Потому что хочу стать врачом. Не менеджером, не дизайнером – врачом.

Из глаз дяди покатились слезы.

– Обнял бы тебя, – сказал он, – да повесили на меня всякой вашей электронной чертовщины твои будущие коллеги.

– Заодно и от Сяолуна спрячусь временно... – Я опасливо покосился на дверь. – Он даже сюда приходил из тебя долг выбивать?

– За Сяолуна меня отдельно прости, – вздохнул дядя. – Это мой начальник охраны. Я подкидывал тебе деньги через него, а когда узнал, как ты их просадил... Хотел заставить тебя научиться работать.

Я открыл рот, и глаза наполнились слезами.

– Дядя Джо, – выдавил я. – Да я сам виноват перед тобой, дядя Джо. Ты даже представить себе не можешь, как я перед тобой виноват! Я буду носить этот камень в душе до конца своих дней.

– Я чего-то не знаю? – нахмурился дядя Джо. – Ты женишься на Синтии?

– Нет, – мрачно усмехнулся я. – С ней я расстался. Все хуже. Настолько хуже, что ты даже не сможешь представить... Оно уже в прошлом. Но...

– Рассказывай, не томи. Что ж ты мог мне такого плохого сделать? Нагадил мне в трубку?

Я помотал головой:

– Не могу рассказать, дядя Джо.

– Тебе станет легче.

– Да. Но тебе – тяжелей. А вот этого я совсем не хочу.

Дядя откинулся на подушку.

– Значит, чему-то я смог тебя научить, – задумчиво сказал он. – Тогда и не рассказывай. Я просто тебя прощаю. А сейчас иди, Марти. – Он откинулся на подушку и закрыл глаза. – Я прожил долгую и сложную жизнь. А теперь мне пора отдохнуть...

* * *

Больше я никогда не видел дядю Джозефа живым, только говорил с ним по телефону. Нет, он не умер к утру. К обеду ему сделали операцию на сердце, и он снова не умер. Но в реанимацию меня не пускали до конца недели. А мне надо было держать слово, и я уехал волонтером в сирийский госпиталь – мне было все равно куда. Я провел там три года, встретил Ингу, а когда вернулся в Лондон, дядя Джозеф уже умер – мы так больше и не увиделись. Зато нам довелось однажды встретиться с доктором Харви – уже после того, как я окончил медицинский колледж и стал работать врачом. Поговорить нам не удалось, хотя я его узнал сразу – Харви привезли к нам в кардиологию без сознания, его подобрали на улице с остановившимся сердцем. Оно отчаянно не хотело работать – сердечная мышца словно засыпала. Мы откачивали его несколько часов, а потом я решился на операцию и поставил ему водитель ритма. Я рассчитывал, что он придет в сознание на следующий день и расскажет, что с ним произошло. Но к утру за ним приехали полицейские и люди из спецслужб – они показали предписание о переводе в военный госпиталь, и больше я его никогда не видел.

Мне до сих пор кажется, что я в любой момент могу набрать номер и позвонить дяде Джо. Кажется, просто здесь, в Лондоне, дяди временно нет. Хотя умом понимаю, что его действительно нет. Таких людей больше не делают, мы утратили этот рецепт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.